

ГАЛЕРЕЯ

***ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ***

№11

**Калуга
2015**

**ББК 84(2Рос=Рус)6
Г164**

На обложке - работа Марии Добролюбовой «Черепаша»

Г164 **Галерея**: Литературно-художественный альманах/
Сост.: М.Бендрышева. - Калуга: Издательство «Эйдос», 2015. - 104
стр.

ББК 84(2Рос=Рус)6

© Бендрышева М., идея, составление, 2015
© Добролюбова М., обложка, 2015

Итак, «Галерея» продолжается.

В 2015 году, объявленном в России годом литературы, мы начали второй десяток наших сборников и выпустили одиннадцатый по счёту альманах. Год литературы обязывает: и поэтому в «Галерее» №11 мы сосредоточились именно на литературно-художественной составляющей, отказавшись от публицистических, исторических и краеведческих материалов. В нынешнем альманахе напечатаны исключительно рассказы и стихотворения.

Поскольку литклуб «Галерея» по-прежнему исповедует принципы открытости и свободы, среди постоянных наших авторов есть и новые имена, а возглавляет альманах рассказ старейшего писателя Калужской области, члена Союза писателей России, участника Великой Отечественной войны Сергея Александровича Васильчикова.

Как всегда, PDF-версию альманаха среди множества прочих новых материалов можно найти на нашем сайте по адресу <http://galera.ucoz.ru/>.

Желаем приятного прочтения!

Сергей ВАСИЛЬЧИКОВ

ОТКУДА БЬЮТ ЧИСТЫЕ КЛЮЧИ

В детстве я увлекался изготовлением лодочек, особенно весной, когда их можно пускать по ручьям и лужам. Мечтал стать моряком. Но не стал, а вот страсть к путешествиям по морям и рекам сохранил на всю жизнь.

Есть в Калужской области река Угра, очень живописная, с красивыми берегами, тихими плёсами, бурными потоками и перекатами. Вокруг леса, луга, попадаются деревни. Плыть не скучно, купаться одно удовольствие.

Эту речку мы очень полюбили и много лет плавали по ней на лодках, некоторые я строил сам по всем законам судостроения, с мачтой и парусами. Были у нас и подвесные моторчики, полное туристское снаряжение. И в каждом плавании случались занятные истории.

Июль разразился дождями, и, наверное, потому на Плюсковской косе было на редкость пустынно. Кроме нас только две палатки сиротливо прятались под дальними вётрами. Судя по всему, установилось долгое ненастье.

Мы с женой во время плаванья по реке не слишком стремились к людным компаниям и вполне довольствовались обществом друг друга. И непогода не смущала: мы надёжно экипированы, продуктов взято на три недели, палатка (польский оранжевый домик) надёжна и просторна. Что ещё нужно для отдыха! Хочется небу плакать – плачь себе на здоровье. Нам это не помеха. А Плюсковская коса – дом родной. Мы её любим и не устаём восхищаться её красотами: тенистой дубравой, развесистыми ивами над водой, цветущим лугом и отгораживающей нас от прочего мира стеной лещины и полосой вековых сосен и берёз. Деревни от нас далеко, дорог сюда нет, если кто и забредёт, так свой же брат – турист. Что же касается Угры, замкнувшей нас в своей излучине, то она в этом месте глубока и чиста, а крутой косогор, что на противоположном берегу, поросший густым чернолесьем, молчалив и таинственен.

Через день наши соседи не выдержали и снялись. Теперь мы остались в полном одиночестве. Я выбрал для лагеря самое высокое место под сосенками, почти у самого обрыва к реке. Отсюда я мог видеть всю поляну; поворот Угры и дальние плёсы

вплоть до впадения холодной речки Течи. Это место было удобно ещё и тем, что хорошо продувалось, и тут проще было спастись от комаров.

Время от времени дожди прекращались, давая возможность обсушить вещи, сходить в лес за дровами, сплавать на противоположный берег к ключам за водой.

Два дня прошло без особых происшествий. Мы наслаждались тишиной и безлюдьем, слушали голос реки, иногда ходили в лес и даже купались. Вечерами сидели у костра, а потом в палатке слушали радио.

Спалось легко. Но иногда среди ночи я вдруг, проснувшись, начинал вслушиваться. Я знал все обычные звуки: журчание воды, шелест прибрежных кустов, удары капель о крышу домика, даже чьё-то плюханье по мокрому песку и симфонию ключей с противоположного берега. Их там было много самых разных по силе и напору воды.

Иные низвергали с крутого склона целые потоки и громко гудели, словно выбрасывали свою воду из трубы, другие звонко журчали по каменным уступам и серебристо бились о валуны. А были такие, что ухали или вдруг начинали булькать, падая в заболоченную заводь. А все вместе сливались в своеобразный разноголосый хор. Днём источники словно бы умолкали, их песенки терялись в дневных шумах.

Как-то утром я проснулся с чувством тревоги. В округе что-то изменилось. Посторонний тревожащий гул шёл от реки. То был гул потока. Я приблизился к обрыву и не узнал Угры. Она изменила цвет на грязно-жёлтый, словно в ней замесили глину. Эта мутная жижа стремительно несла различный мусор и дыбилась, выходила из берегов. Вся растительность у берегов трепетала и клонилась под напором потоков. Скрылись под водой самые близкие к урезу кусты, был залит пляж. Я кинулся к лодке. К сердцу подступил холодок. Лодка с вечера была привязана капроновым фалом к молодой берёзке. Берёзкагнулась, а из воды торчал только нос моего судёнышка. Нетрудно было понять, что нас настигло летнее наводнение. Где-то в верховьях Угры прошли очень сильные долгие дожди, и теперь можно было ждать больших неприятностей.

Справившись с лодкой, я осмотрел берег, прикинув примерно его высоту, и понял, что залить нас может только семи-, восьмиметровый подъём реки. Такое было маловероятно.

За завтраком мы наблюдали то, что происходило на реке. Под нами были заросли прибрежной лозы. Вода подступала вначале к нижним веткам, куст вздрагивал. По мере подъёма реки он начинал мелко дрожать, словно под ним колебалась земля, потом гнуться, отчаянно сопротивляясь, и вдруг

клонился, поддавался мутному потоку и скрывался в пучине. Всё это происходило на наших глазах за какие-то четверть часа.

Угра перестала походить на знакомую нам речку, где на дне можно было разглядеть каждый камушек, каждую веточку и мелких рыб. С того места, где я сидел, мне доводилось видеть на глубине стаи голавлей. А теперь мимо плыли вывороченные с корнем деревья, сорванные плетни, крыши сараев, трупы животных, сплетения куги.

Это был разгул стихии. Жена смотрела на меня вопросительно, я понимал, что в душу её заползает неуверенность. Я постарался пояснить, что нам ничего не грозит, что нет смысла уезжать, да и плыть по реке в таком мутном потоке куда опасней, чем ждать на берегу, пока вся эта кутерьма прекратится. Нам доводилось переносить разные напасти стихии, переживём и это.

А ближе к вечеру к берегу причалила плоскодонка, одна из тех, что делали калужские умельцы. На берег вышли двое: мужчина и женщина. Они разбили в стороне от нас лагерь, поставили палатку и развели костёр. Чуть позже мужчина подошёл к нам. С соседями принято знакомиться. Представились друг другу. Звали его Иван Петрович. На вид лет пятьдесят. Руки выдавали в нём рабочего человека. Иван Петрович приглашал на уху. По пути из Калуги ему удалось зацепить парочку судаков. К ухе имелся обязательный «флакон» – водка.

Мы поблагодарили за приглашение, правда, жена, сославшись на то, что рыбу не любит, а пить не может, осталась у своего костра, а я согласился разделить компанию.

- Как вы добрались сюда? – поинтересовался я у Ивана Петровича. – Это ж не течение, а горный поток!

- У меня мотор – зверь. Кой-где пришлось попрыгать. Тут ещё мосты задержали. Но мужички помогли перетащить лодку.

Лагерь наших соседей был без особых удобств, всё походному: котелок с ухой и чайник на рогульках, стола, конечно, нет, уху налили в миски, ложки деревянные, уселись мы вокруг костра на двух комлях, служивших для рубки сучьев.

Спутница Ивана Петровича была немного моложе его, звали её Тамарой. Так она отрекомендовалась глуховатым голосом. Одета небрежно, в ситцевую длинную юбку и кофту, на плечах мужской пиджак, скорее всего Ивана Петровича, обута в стоптанные туфли без каблуков. Наши новые соседи мало чем напоминали завязтых туристов – ни экипировки, никакого необходимого для путешествия снаряжения. Вероятно, эти люди вырвались на природу денька на два-три – побыть наедине, плотнуть свежего воздуха.

Костёр горел жарко. Он был сложен из крупных больших поленьев, которые временами шипели и выбрасывали пар, а то стреляли, бросая в небо снопы искр.

- Хорошо! - проговорил Иван Петрович. – А ты, Тамара, боялась.

- Ничего я не боялась. Тонуть в этой грязи не хотелось.

- С чего это тонуть. Не первый раз по воде ходим...

Он потянулся и спросил: - А может, ещё один пузырёк прикончим?

- Обойдётся.

За ночь вода поднялась ещё. В общей сложности она выросла за эти дни метров на пять. Такое редко случается и весной. А у нас возникла сложная проблема: где брать чистую воду? На нашем берегу не было ключей, не было колодцев, единственное болотце отдавало такой тухлятиной, что к нему даже воробьи не подлетали.

Иван Петрович предложил сгонять в Плюсково – это почти пять вёрст против течения. Я сказал, что подобного рода вариант от нас не уйдёт. Но прежде всего, нужно поискать воду на противоположном берегу. Не все же клочки там затопило, возможно, где-то остались выше уровня реки истоки... Иван Петрович согласился ехать без особой охоты, однако прихватил с собой топор, а я взял топор и лопату.

Не так-то просто оказалось высадиться на крутой, поросший густым лесом берег. Ноги скользили, и можно было угодить по пояс, а то и по грудь в воду.

Наконец, мы вскарабкались на пологий уступ, но застряли в завалах валежника, зарослях крапивы, каких-то колючих кустарниках. Ступать приходилось осторожно, гнилые стволы поваленных деревьев давно истлели и рассыпались в труху, плесень и слизь делали все предметы скользкими, с трудом можно было добраться до каменистой почвы. Да и та была замшелой.

Мы орудовали топорами и лопатой, расчищали от завала землю, пытались отыскать следы воды. Донимали комары... Были они здесь лихие, откормленные, свои жала вгоняли так, что проступала кровь.

Иван Петрович, осатанев от укусов, отбросил в сторону топор и выругался:

- Чёрт понёс меня за сто вёрст от дому! Мало ли хороших мест у нас на Оке. Это всё Томка – прослышала про вашу писательскую поляну, пристала, свози да свози...

- Значит, живёт в Тамаре «искра божья», тянет пристрастие к поэзии? – спросил я.

- А что толку-то! – проговорил вяло Иван Петрович. – Теперь из этой искры огня не раздуешь. Сломалась она. Пьёт.

Я-то с ней вожжаюсь из жалости. Когда-то очень любил... Но, увы, был не про её честь. Не дорос. Бывает. А теперь мы с ней вровень. Два пассажира, отставшие от поезда. Поезд-то тью-тю! Даже красного огонька не видно...

Иван Петрович ударил себя по щеке и прибил комара, оставившего на щетине кровавый след.

- Знаешь, Александрович, давай возвращаться, ничего мы здесь не отыщем. Сгоняю в Плюсково, воды привезу, пузырёк. Посидим вечерком, споём.

- Каждый день станешь бегать в деревню? А где бензина напасёшься? Нельзя нам уходить отсюда без воды. Нельзя!

Маленький ручеёк мы обнаружили часа через два в неглубокой расщелине. Мы освободили его из-под мусора, щебня и земли. Расчистили ему путь, подставили под струйку лоток из свежей коры берёзы. Чистая искрящаяся струйка зазвенела по камушкам. Мы наполнили канистры и вернулись домой победителями. Наши женщины ждали на берегу, тревожась, не случилось бы с нами беды.

Вечером я сидел над обрывом и следил за неистовством реки.

- О чём думаешь? – спросила жена, присаживаясь рядом. – Как добраться до дому?

- А что тут думать: вода сама донесёт. Вспоминаю, как искали источник.

- Не очень верилось?

- Верилось или нет... А найти надо было. Вот и нашли.

- Ты везучий!

- Не тебе такое говорить. У нас это везенье и невезенье поровну. Каждую удачу надо не только заарканить, ещё и взнуздать.

Маргарита БЕНДРЫШЕВА

ЖИЗНЬ ХОЛОДЕЕТ

Жизнь холодеет постепенно,
Но вдруг – и бросится в глаза:
От лиственной лохматой пены
Уже избавлены леса.

Прозрачней воздух, небо тоньше,
Ясней созвездий чертежи...
Душа отстёгивает лонжу,
Ступив над пропастью без ржи.

Не затянуть её в глубины,
Высотами не пошатнуть:
Не страшно ей! Но руки стынут,
Предзимний ветер колет грудь.

Жизнь холодеет – память манит
Отведать с нею визави
Глинтвейна из воспоминаний
С коричневым привкусом любви.

ПЧЁЛЫ

Пчёлы коротко живут
И летают невысОко,
Совершая по оброку
Свой соборный спорый труд.

Многохлопотный удел
Им назначила природа.
Но густое чудо мёда –
Вот итог пчелиных дел!

Малой жизни колея,
Незаметное участие...
Так и мы слагаем счастье –
Люди, пчёлы бытия.

НОЧНОЙ СНЕГ

Медленно-медленно
Жерновом, жерновом
Мелется, мелется
Время зимы.
Ветрено, ветрено,
Нервные, нервные
Целятся, целятся
В небо дымы.

Дёшево, дешёво
Белое крошево,
Брошено, брошено
В чашу земли.
Сосны продрогшие
В роскоши опуши –
Ветви б затёкшие
Пошевелить.

Кружится, кружится
Кольцами улица,
Щурится, щурится
Заспанный дом.
Дому недужится,
С трещиной кружица,
Лунная лужица –
Прочь молоком.

Хляби разъятые,
Хлопья патлатые,
Падает, падает
Облачный сор.
Латанный, латанный
Город распластанный
Мятые ватные
Крылья простёр.

ФАЭТОН

Солнце носит восемь ожерелий,
Солнце крутит восемь обручей.
Млечный путь – просторная аллея,
Мало ль здесь подобных ловкачей?

Трюкачей, конечно же, не мало,
Но с любым случиться может сбой.
Солнце, Солнце, где ты потеряло
Фазтон, девятый обруч свой?

ВРЕМЯ

Пусть живые несметны шаги, и бесчисленны толпы,
На дороге исхода по-прежнему мягкая пыль.
Как легко исчезают следы!

Миг всего – и затоптан
Отпечаток твоей беспримерной высокой судьбы.

У дороги исхода ни расстаней нет, ни обочин,
Ни свернуть, ни застыть, ни смотреть на других в стороне,
Ни вперёд забежать, любопытствуя: «Что же там?»

Впрочем,
Суть одна: встречных путников здесь не бывало и нет.

БЕЛКА

Белка, белка, бурундук –
Разгрызаю жизнь-судьбу,
Разлетаются скорлупки,
По зубам ли Кракатук?

Бытие – в труху и лом,
Не жалею ни о ком,
Ни о чём не сокрушаюсь,
Мне узнать бы об одном:

Не напрасен ли мой труд?
Да не выйдет ли, что врут,
Будто спрятан в жизни этой
Смысла чистый изумруд?

ЧИТАЯ СВОИХ ДРУЗЕЙ

Друзей своих читать порой... неловко –
Как в доме без хозяина гостить
И тайные улики находить
Доносчику подстать или воровке.

Та знаешь о друзьях своих поболе,
Чем кто-то, и читать неволю –
Без спроса заступаешь за черту
Открытого тебе по доброй воле!

Непойманный случайный соглядатай,
Ты знанием удвоенным влеком.
И как прикажешь делать вид потом,
Что не был в заповеднике когда-то?

ЯНВАРЬ

Пускай ввергает ветер вздорный
Гирлянды праздничные в дрожь,
Что в белом, что в бесснежно-чёрном,
Январь бессмысленно хорош.

Дождём заштопанная площадь,
Заплаты луж на мостовой...
Но ель, как вздыбленная лошадь,
Столь высока над головой!

Законно право на веселье,
Покуда старый новый год –
Былого летоисчисленья
Упрямый призрак – не уйдёт.

Но и лишённый украшений
Январь твердит нам об одном:
Не нужно счастью приглашений,
Поскольку жизнь – и есть оно.

Владимир СКРИПКИН

ПОЗВОНИТЕ

Виталий Александрович перешёл на эту фирму сравнительно недавно. Опыт прошлой работы избавил от промежуточных начальников, и подчинялся он лишь заместителю директора. Таких заместителей было несколько. Они курировали разные направления. Руководили всей организацией два совладельца. Только их никто не видел. Говорили, что хозяева вообще живут где-то за рубежом и только изредка наезжают с проверками.

Его начальницей оказалась миниатюрная, миловидная женщина, которую он тоже видел крайне редко. Звали её Снежана Николаевна. Их общение обычно сводилось к короткому разговору по телефону. Инициатором всегда был он, она не снисходила до звонка никогда.

Один раз в месяц, как правило, в конце, весь коллектив собирался в конференц-зале для подведения итогов. Это был какой-то артефакт советских традиций. Такие собрания давали возможность хоть иногда увидеть всех сотрудников. Руководила ими чаще всего Снежана Николаевна. Он садился где-нибудь в задних рядах, чтобы не попадать в поле зрения любопытных, и издали наблюдал за ней. Его всегда поражала её кипучая энергия. Казалось, у неё внутри непрерывно работает ядерный реактор. В слова он не вслушивался, общая деятельность его мало интересовала, а за собственный участок он был всегда спокоен.

«Зачем я туда хожу, уж не влюбился ли?» – задавался он иногда риторическим вопросом. Смотреть на неё было действительно приятно. Ему нравилось всё – лицо, фигура, пластика жестов, и даже милый приятный голос, а больше всего – грудь, восхитительная грудь, которую она иногда зачем-то прикрывала шарфиком. Такие «посиделки» его огорчали. А вот корпоративы он не любил вообще и не ходил на них никогда. Что там делать? Смотреть, как симпатизирующие друг другу люди в подпитии начинают объясняться в любви? Или испытывающие неприязнь вдруг начинают выяснять отношения? Ему больше нравилось оставаться вне этого водоворота.

Была в их организации ещё одна традиция, тоже из советских времён. Ежегодно там выдвигались работники на

«лучшего по профессии», что очень напоминало забытое соцсоревнование. И вдруг совершенно неожиданно, по итогам этого года таким «лучшим» оказался он!

На ближайшем собрании начальница вручила ему соответствующую «грамоту». Далее, по ритуалу полагалось церемонно поцеловать победителя в щёчку, но как раз в этот момент в него словно бес вселился. Когда её губы «торжественно подплывали» к его щеке, он перехватил их на ходу и поцеловал так, как мужчина целует любимую женщину, намеренно перекрыв головой весь обзор для зала. И тут он вдруг почувствовал, что у него закружилась голова, а где-то далеко-далеко внутри вспыхнул огонёк желания. Она сделала вид, что ничего не произошло, и только в глазах появился немой вопрос.

В конце декабря Виталия Александровича вдруг пригласили в дирекцию. Заместитель директора по работе с кадрами ошарашила неожиданным вопросом: «Вы упорно игнорируете наши корпоративы. Вам не нравится коллектив, или неинтересно провести с нами несколько часов вашего драгоценного досуга?» «Отчего же? Я всегда готов», – ответил он привычным лозунгом. «Вот и хорошо, тем более, вы теперь у нас – «лучший по профессии», – почти дружелюбно заметила она, давая понять, что получение этого звания зависело исключительно от неё. – Значит, мы ждём вас на Новогоднем корпоративе». Он, молча, поклонился и вышел.

Мероприятие намечалось в знаменитом на весь город кафе. Проводила его всё та же неутомимая Снежана Николаевна. Около него случайно оказалось свободное место, и она, словно бронируя его, бросила на стол прозрачную папку, в которой виднелась немалая сумма денег и ещё какие-то бумаги. Он подвинул папку поближе и для верности накрыл рабочей сумкой.

Тем временем, она металась по залу, размещая всё новых и новых прибывающих. Когда все места оказались занятыми, и можно было начинать, несколько человек, как это часто бывает, уже оказались в состоянии хорошего подпития. Пришло время оплачивать предстоящий банкет, и она кинулась по залу искать свою папку с деньгами, которую впопыхах совершенно забыла, куда бросила. Наконец, в отчаянии плюхнувшись на своё место, она безнадежным голосом спросила: «Виталий Александрович, вы случайно не видели мою папку с документами и деньгами?»

Банкет уже шёл своим чередом, и он в качестве штрафного налил ей полный бокал шампанского и стопку водки. От огорчения она, не глядя, выпила сначала водку и совсем

нечаянно запила её шампанским. Эту «гремучую смесь» надо было немедленно закусить, но она лишь с печальной отрешённостью продолжала оглядывать столы вокруг. Теперь настало время его торжества: «Вот она, ваша папка, в целостности и сохранности».

«Ой, вы даже не представляете себе, как я вам благодарна! Ведь здесь, кроме денег, ещё и важные финансовые документы!» «Я думаю, меня следует поощрить?» «Каким образом?» «Я хочу поцеловать...» – начал он, облизывая вдруг пересохшие губы. Она проследила за его взглядом и инстинктивно прикрыла ладонью довольно смелое декольте. А потом вдруг решительно сказала: «Идёмте». Прощмыгнув за спинами гостей, они оказались в бесконечно тянущемся коридоре, с многочисленными поворотами и тупиками, такой часто оказывается сама любовь. Когда они укрылись от любопытных глаз, он, коротко вздохнув, припал к её груди.

Пламя желания охватило его с новой силой. «Вы знаете, во время того первого поцелуя на собрании, у меня вдруг закурилась голова». «У меня тоже... закурилась. Только я так и не могу поверить во всё, что произошло, я ведь вам не давала никакого повода». «Значит, желание оказалось сильнее повода», – пробормотал он, снова целуя. «Отпустите, нас могут увидеть», – по-прежнему горячо, приятно и щекотно шептала она ему в ухо, пытаясь отстраниться. Действительно, авторитет начальника надо блюсти! Да и какой настоящий мужчина станет создавать проблемы любимой женщине? За стол они возвращались порознь.

Потом были танцы. Оказалось, что она неплохо танцует и хорошо чувствует партнёра. А когда его надолго отвлекли на какие-то дурацкие конкурсы, он потерял Снежану, и, поискав глазами, решил, что она, скорее всего, ушла. «Интересно, кто её ждёт и где?» – с грустью думал он. Однако неумолимо приближалось время, когда начинало происходить то, чего он больше всего не любил. «Делать теперь нечего, можно уходить...», – тяжело вздохнул он и незаметно прошёл к вешалке.

С трудом найдя в ворохе своё пальто и шапку, он направился к выходной двери. Но не успел её закрыть, как в тамбур впорхнула пропавшая Снежана, плотно прикрыв за собой дверь. «Вы уже уходите?» «Пора». «Жаль», – и она неожиданно вся потянулась к нему. От этого поцелуя он на какое-то время забыл всё. Время остановилось. Сердце стало лёгким, словно пустым. Слегка подкашивались ноги: «Да что это со мной?» Его руки буквально спеленали её всю, а ладони умудрялись не оставлять необласканным ни одного сантиметра тела.

Вдруг он почувствовал, что она дрожит. Это не могло быть от холода. В тандеме устойчиво сохранялось тепло. Да и его большие горячие руки грели её лучше любого радиатора. Неуёмное желание захватило целиком и буквально сжигало.

Получив возможность передохнуть, она испуганно пролепетала: «Отпустите, сюда же в любой момент могут войти». Он помнил, что одновременно с ним никто не собирался уходить. Но в главном она была права. Заглянув ей в глаза, он заметил, что на этот раз в них уже не было прежнего вопроса. «Кажется, теперь-то она, наконец, поверила и будет моей...», – жарко выдохнул он и, запинаясь от волнения, шепнул: «До встречи. Только не провожайте, простудитесь». Морозный воздух через распахнутое пальто быстро остудил его разгорячённое тело...

Через несколько дней он позвонил: «Я до сих пор нахожусь под впечатлением того вечера. Мне кажется, я наконец-то почувствовал ответное эхо вашего желания. Незабываемо! Прислушайтесь к зову сердца и решайте. Я теперь знаю, что не могу без вас, и готов явиться по первому зову куда угодно... Теперь уже всё зависит только от вас. В таких положениях решение принимает женщина. Буду ждать звонка или хотя бы эсэмэски с одним единственным словом: «Позвоните...».

И она позвонила. Сердце его дрогнуло, он опять горячо и сбивчиво говорил о своём чувстве. Она слушала, молча, не прерывая и не задавая вопросов, а когда он закончил, начала что-то долго и наставительно говорить о разнице в возрасте, осторожно подбирая слова. Уже лет десять, как это был для него самый больной вопрос!

В голове, как ускоренная киносъёмка, пронеслись различные причины такого её решения. Здесь был и не вовремя выпитый алкоголь, и избалованность женщины повышенным вниманием, и многое другое, включая собственные безграничные фантазии. Вот только ясного ответа он так и не смог найти.

Хотя говорила она щадяще, но как-то так, что его стала медленно наполнять досада, постепенно вытесняя все остальные чувства, а вместе с ними и собственные домыслы. Такой монолог не предполагал ответа, и в конце его, вежливо попрощавшись, он услышал гудок разъединения. Что бы там ни было причиной, но вопрос, кажется, был ясен.

На январское собрание он решил не ходить. Заниматься откровенным мазохизмом не хотелось. Их деловое общение по телефону постепенно свелось к минимуму, ограничиваясь обоюдными ответами на вопросы в форме «да» или «нет».

Как умудрились они ни разу не встретиться, работая в одном здании, для него навсегда осталось загадкой...

Постепенно растаяли сугробы, подсохла земля, победно зазеленела травка, а деревья покрылись яркой весенней листвой. Когда на каштанах забелели свечки соцветий, его мобильник пискнул о принятии эсмэски. Там было только одно слово: «Позвоните», отправленное с её номера. Он внимательно всматривался в это долгожданное слово и мучительно думал: «Почему ей потребовалось столько времени, чтобы принять совершенно очевидное решение? Ну почему люди так часто и бездумно сами лишаются тех, с кем им, наверное, было бы хорошо? Ещё обиднее, что бывает это нередко по абсолютно вздорным причинам. А жизнь так коротка! Да и я – тоже хорош! Что делал кроме бестолкового ожидания? Глупо! Милая Снежана, она всё-таки даёт мне шанс, который может оказаться последним». И он решил не стирать эсмэску. Пусть она надолго останется памятником собственной глупости. Мужчинам можно многое простить, кроме глупости! А за ошибки всегда надо платить – этот великий закон ещё никто не отменял!

Природа в тысячелетней мудрости своей всегда была неизмеримо выше мелких людских страстишек, а потому по улице в это время вопреки всему беззвучным победным маршем шагала благоухающая весна. Приятно пахло свежей листвой, влажным после небольшого дождика асфальтом и пряным буйством весеннего первоцвета. Жизнь продолжалась, несмотря на все препятствия, которые возникали на её пути, потому что она была неизмеримо сильнее их...

ПЕТЛЯ

Возвращаясь домой в конце короткого зимнего дня, я привычно свернул в арку проходного двора, ведущую к подъездам большого жилого дома. Солнце уже садилось и светило мне прямо в глаза неярким зимним светом.

По арке проходил временный теплопровод, который так и остался со времён сдачи дома. У нас нет ничего постояннее временных сооружений. Его очень полюбили бомжи. Они регулярно сдирали с труб теплоизоляцию и грелись, сидя на нём стайками, как воробьи.

На этот раз бомжей не было, и только в самом дальнем конце арки, на трубопроводе сидела какая-то старушка. Она не была похожа на бомжа. Когда я поравнялся с ней, подсвеченные сбоку заходящим солнцем глаза её полыхнули каким-то совсем

не старушечьим цветом, но в выражении лица и всём облике ощущалась почти неземная отрешённость или усталость. Казалось, она существовала уже вне этого места и времени, в каком-то своём, особом и никому не известном пространстве.

Так обычно выглядят люди, обладающие безграничным запасом времени, которым некуда и незачем спешить. На коленях у неё примостилась серая невзрачная кошка, плотно прижавшаяся к старушке, наверное, они согревались общим теплом. Похоже, что кошке тоже некуда было идти...

Тысячелетний инстинкт выработал у женской половины непреодолимое желание непременно о ком-нибудь заботиться. Старушка явно никому не была нужна, и теперь отдавала всю себя заботе о кошке, у которой тоже не было никого. Вот так и сидели они, прижавшись друг к другу, обе лишние и забытые всеми в этой, ставшей для них обескровленной и бесчеловечной жизни, торопливо текущей мимо в сверкании огней реклам, ярких витрин и блестящих автомобилей...

...В эту женскую школу его всегда пропускали без приглажительного билета – все знали, что его мать здесь преподаёт. Он привычно проходил в нарядный актовый зал, но упорно жался к стенке. Пригласить на танец девушку – было его заветной мечтой, но он стеснялся не только одноклассниц, но ещё более тех, кто был постарше. Многих он знал со слов мамы, а некоторые даже бывали у них дома по различным школьным делам. Одна из них, обладательница роскошных кос и бездонных карих глаз, называла его за глаза «сопляком», потому что была уже выпускницей, а он учился только в восьмом, к тому же, был слишком робок.

Её любимый парень, Лёнька из соседней мужской школы, тоже был в выпускном классе. Как только он окончил военное училище, они сразу поженились. К тому времени у неё за плечами был экономический техникум. И началась бродячая жизнь офицерской жены, путешествующей по «точкам», куда судьба забрасывала мужа. Кем только ни приходилось ей работать в военных городках. Она была и экономистом, и бухгалтером, и кадровиком, и даже официанткой в офицерской столовой. Рабочих мест для офицерских жён вечно не хватало. Когда родился сын Серёжа, всё её внимание было отдано только ему, и ни о какой работе она уже больше не думала.

Серёжа начал ходить в школу, когда она забеременела во второй раз. И тут заболел Лёня. Если бы они жили в большом городе, где всегда есть выбор квалифицированных врачей, наверное, его можно было бы спасти. Но там, в далёкой сибирской приграничной глухомани, он умер. Кого нужно было винить? И она обвинила судьбу.

Ну почему именно ей, женщине из благополучной семьи выпала такая доля? Почему именно к Лёнке прицепилась эта злополучная болезнь? Обида перехлёстывала все другие чувства, уже не давая сосредоточиться ни на чём другом.

Второй сын родился уже после похорон мужа. В его честь она назвала новорожденного Алексеем, Лёшей, Лёничкой... В народе существует поверье, что лучше так не делать. Она не знала об этом, но очень хотела, чтобы около неё оставался любимый Лёшка, пусть и совсем ещё маленький несмышлёныш. С двумя сыновьями на руках она вернулась в родной город, потому что больше ехать было некуда.

На оборонном заводе, куда она устроилась работать, вскоре дали двухкомнатную квартиру. Это была её первая собственная квартира и находилась она в пяти минутах ходьбы от завода. Детский сад и школа были тоже недалеко. Казалось бы, чего лучше – всё ведь хорошо?

Но непреходящая обида на судьбу постепенно стала распространяться и на окружающих, особенно на благополучных и счастливых женщин. Сначала она думала, что завидует им, но это не было завистью. Скорее, это нарастала всё та же обида за всё, что у неё складывалось почему-то не так. Чем она прогневила судьбу, почему она была так жестока к ней?

Она всё замыкала на себя, и не видела вокруг сотни других женщин, судьба которых была куда тяжелее. Ей было жаль только себя и никого больше.

А тут ещё вдруг вышел приказ по министерству, который запрещал «занимать руководящие должности лицам, не имеющим соответствующего высшего образования». Теперь ей светило уходить на пенсию максимум – старшим инженером. Как будто всё специально опять складывалось против неё. До пенсии ещё было далеко, но почему – молодая соплячка с дипломом очень быстро стала её начальницей, а она уже никогда не будет иметь на это права?

Вниманием мужчин она и сейчас не была обделена, но это были предложения – однодневки. Женатые мужчины хотели развлечься на стороне. Они, может быть, и имели на это право, но она в их играх участвовать не хотела. А всерьёз... Кому нужна уже немолодая женщина, да ещё с двумя детьми?

Как-то в длинном переходе, соединяющем корпуса завода, она нос к носу столкнулась с тем самым сыном учительницы, которого она когда-то в школе называла «сопляком». Он тоже был старшим инженером, но у него за плечами уже был оборонный НИИ и два вуза. Она, смехом, сказала тогда: «Окажешься начальником, – не забудь про меня».

Через несколько лет он действительно стал начальником самого большого отдела, где работали люди почти десяти различных специальностей. Александр Иванович, не пытаясь «объять необъятное», для руководства своими многочисленными подразделениями подбирал людей хорошо знакомых и надёжных, которым сам он вполне мог доверять.

Так, совсем неожиданно для себя, она оказалась у него в отделе начальником бюро новых разработок. Как ему удалось обойти приказ министра, она так и не узнала, но авторитет его у руководства оценила уже в самое ближайшее время, к тому же, он своих никогда и никому не давал в обиду.

Начальником она оказалась не простым. В подчинении у неё были преимущественно женщины, которые частенько в слезах ходили жаловаться на неё Александру Ивановичу. К этой лишней «головной боли» он не был готов, но «профилактическую работу» с крутой начальницей бюро ему проводить всё-таки приходилось. Частенько эти разборки заканчивались выкриком – «сопляк» и хлопаньем дверью начальственного кабинета.

Между собой они, конечно, были на «ты» и по именам, однако в присутствии третьих лиц, дипломатично говорили друг другу «вы» и называли только по имени и отчеству. Он давно знал все её проблемы, а потому зла никогда не держал, стараясь хоть как-то поддержать. Она, в душе, тоже прекрасно понимала, что ни с каким другим начальником не позволила бы себе так хамить. Но здесь она была твёрдо уверена, что всё обязательно сойдёт с рук. Он никогда не мстил женщинам и не воевал с ними, а с ней, учитывая все её обстоятельства – тем более.

Старший сын Серёжа радовал мать. Он вымахал под два метра ростом и стал настоящим красавцем. По окончании заочного института, его избрали секретарём заводской комсомольской организации. И дело у него ладилось. В отличие от матери, он был человеком выдержанным, вежливым, никогда не повышал голоса. Коллектив завода на 90 процентов состоял из женщин, а значит и комсомольская организация тоже. Сколько девичьих сердец замирало при виде красавца-секретаря! Но Серёжа оказался человеком серьёзным, и никаких шашней на заводе не заводил, а вскоре женился на девушке и вовсе не заводчанке.

Мать встретила его выбор без восторга. Для всех троих началась сложная жизнь, которая ещё больше обострилась с рождением внука. Невестка, а за ней и Сергей предпочли перебраться к сватам. В маминой квартире стало явно тесновато. И дело было не только в квадратных метрах...

Сложных отношений невестки и свекрови Сергей не смог «разрулить». Ему было жалко и жену, и мать. Он любил обеих,

а потому вскоре оказался в моральном одиночестве, вызвав на свою бедную голову недовольство и той, и другой.

Когда и с какой стати он начал выпивать, вряд ли смог бы хоть кто-нибудь вспомнить. Но главные проблемы начались, когда он ушёл с завода в частную сферу обслуживания. Из-за частых «мужских посиделок» с женой возникли уже серьёзные трения, и он стал жить на два дома.

Мать его пьянок тоже не одобряла, но в необратимость ситуации – не верила. Каждый алкоголик всегда готов поклясться кому угодно, что он в любой момент может «завязать», стоит только захотеть. Вот только «хотение» это со временем отодвигается всё дальше и дальше, засасывая человека в необратимую пучину. Красивый и ухоженный молодой человек на глазах превращался в забулдыгу, выглядевшего значительно старше своих лет.

Отношения с невесткой обострились настолько, что бабушка вовсе перестала навещать внука. Уход на пенсию вырвал её из привычного коллектива. Какими бы ни были там отношения, но при хорошем настроении она спешила на завод. В бюро всегда можно было кому-нибудь излить душу или поплакаться в жилетку. Теперь она осталась только с сыновьями...

Через пару лет Сергею пошёл тот же год, на котором когда-то умер его отец. Мать со страхом поглядывала на сына, но никаких признаков грядущей опасности не видела и успокаивалась. Так было днём, а по ночам её начал постоянно изводить довольно странный сон, смысла которого она не понимала, и оттого становилось ещё страшнее.

Ей снилось, что её преследует какой-то большой удав, то и дело сворачивающийся в петлю. Он упорно стремился к её шее, а когда ему удавалось добраться до неё, бедная женщина просыпалась от собственного крика, задыхающаяся и испуганная.

Внезапная смерть Сергея была для неё как взрыв бомбы и пришлось совсем некстати – на 8 марта. Да разве смерть вообще бывает когда-нибудь кстати? Нет ничего страшнее смерти детей! Все умом понимают это, но только те, кому довелось пережить похороны собственного ребёнка, способны понять всю чудовищную нелепость этого. Родители не могут, не должны хоронить своих детей, это – ужасная, ни с чем не сравнимая несправедливость! Ну почему именно ей опять приходилось переживать всё это?!

Людей на похороны собралось совсем немного, и она опять обиделась на всех, на весь свет! Но ещё больше её мучил другой вопрос: сын умер в таком же возрасте, как отец... Это

что – совпадение или злой рок, так и не отпускающий её? За что эти страшные события обрушивались на её несчастную голову с таким чудовищным постоянством? Она ведь ни в чём не виновата перед суровой судьбой!

Осталась с единственным, уже взрослым сыном – Лёнкой. Она понимала, что рано или поздно, он тоже приведёт жену. Привёл гораздо скорее, чем она думала. Привёл без росписи в ЗАГСе. Теперь у них это называлось «гражданским браком». Чтобы поменьше мозолить глаза молодым, устроилась на завод, где была когда-то начальником бюро, стала – уборщицей. Да дело не в должности. Только почему на заводе, где она отработала не один десяток лет, ей не смогли подобрать ничего другого?

Александр Иванович уже давно ушёл с завода в частный сектор, как только зашаталась незыблемая оборонка. Не выдержал бесконечных сокращений, когда уже пришлось «резать по живому», ушёл сам. Изредка позванивал, обычно поздравлял с праздниками. Хотя, какие они теперь, эти праздники? Для кого? Потом куда-то надолго пропал, говорили, что тоже ушёл на пенсию.

Через пару лет вдруг отыскался, позвонил, чтобы поздравить с 8 марта... Она высказала ему всё, что думала о нём, о постоянном своём невезении, и вообще всё, что накопело на душе за эти годы. Он выслушал молча, не перебивая, а потом вежливо сказал: «Ну, извини» и повесил трубку. Только тогда она спохватилась. Да знал ли он вообще о смерти Сергея? Но номера его телефона у неё не было, да и вряд ли стала бы звонить – не в её это было характере. Так оборвалась и эта ниточка связи с внешним миром.

У Лёшки за одной гражданской женой пришла вторая. Мать не винила себя в уходе первой. Она вообще себя никогда и ни в чём не винила. Всё шло «ни шатко, ни валко», пока Лёша не лишился работы. Очередная «жена» вскоре ушла, а жить стало совсем не на что. Её пенсии едва хватало на оплату квартиры и самого жалкого минимума необходимого.

Утеплив небольшой садовый домик, они продали городскую квартиру и перебрались в него. Работу уборщицы пришлось оставить, слишком дорого стало ездить, а квартирные деньги таяли буквально на глазах. Конечно, огородик около дома здорово выручал, но на всё денег упорно не хватало. Лёшка мотался по всему городу в поисках работы, особенно осенью и зимой.

Несколько раз он нарывался на аферистов, которые так и не заплатили за отработанное время. В нём тоже начала просыпаться какая-то неуёмная злость на всё и всех. Мать со

скрытым страхом смотрела на это, узнавая себя. И опять её стал мучить забытый сон про удава, сворачивающегося на её шее зловещей петлей. От её сдавленных криков часто просыпался даже Лёшка, спавший в соседней комнате.

Теперь она уже переживала за Лёшку – за его неустроенность, за постоянное невезение, за злость и обиду на весь окружающий мир. В этом она слишком хорошо узнавала себя, своё невезение, свою злость и обиду.

Весной, как всегда, засеяли огород. Пошла первая зелень. Только Лёшка всё больше и больше мрачнел, замыкаясь и уходя в себя. Казалось, его непрерывно мучает какая-то неразрешимая проблема. Когда она буквально на минутку вышла из домика, чтобы нарвать зелени, то вернувшись, увидела сына, висящего на электрическом шнуре, уже без признаков жизни. Эта петля шнура очень уж напоминала того удава из страшных снов, только была гораздо тоньше и злее. В этом году Лёшке исполнилось столько же лет, сколько было отцу, а потом и Сергею, когда он внезапно умер. Список её мужчин был исчерпан, и она осталась совсем одна. Что было потом, она уже не помнила... Однажды проснувшись, глянула на себя в зеркало и не узнала – не может человек так поседеть за одну ночь!

Через полгода пришла повестка в суд. За всю жизнь она никогда не была там, и пошла так, скорее, из любопытства, идти ведь всё равно было некуда и не к кому. Там она, к своему удивлению, узнала, что с первой женой у Алексея, которую она всегда считала гражданской, оказывается, был зарегистрирован брак.

Выждав положенное законом время, та подала иск в суд на раздел имущества. Дальше мать уже плохо слышала, но садовый домик, который она своими руками строила с сыновьями, оказался теперь не её, а этой, фактически, посторонней женщины, которую она и не узнала бы, встретив на улице. Ей оставили только крохотную, не утеплённую веранду.

Дальше все события происходили в каком-то отрешённом состоянии. Она как-будто смотрела на них издалека, как в обратную сторону бинокля, не вникая в подробности. Это был взгляд совершенно другого, постороннего человека. Вернувшись домой, собрала свои нехитрые пожитки в большой полиэтиленовый пакет и ушла, тщательно замкнув дом и закрыв калитку. Оказывается, выражение «пойти, куда глаза глядят» имеет не только фигуральный, но и самый прямой, конкретный смысл.

И она упрямо пошла вперёд, не думая ни о чём. Куда? Этого она не знала, да и некуда ей было идти, она просто шла и

шла. Стало смеркаться. Далеко впереди, почти у линии горизонта она увидела россыпь крохотных огоньков. «Город», – машинально подумала она, не сбавляя шага. Человек обычно идет туда, где живёт, или где его ждут, но её там никто не ждал, даже кошка. Своего дома у неё больше не было, кошки тоже, и всё-таки она упрямо продолжала идти в холодное и бесконечное пространство, совершенно не думая, что это был путь в никуда.

Огоньки далёкого города уже увеличились, превратившись в светящуюся муравьиную кучу. Зачем она шла туда, где её не ждало человеческое тепло? Стояла поздняя осень, и к ночи стало холодно. Каким-то инстинктом живого организма она стремилась к теплу, ей нужно было согреться, чтобы выжить. В городе всегда полно различных теплотрасс, куски которых бывают совсем не прикрыты теплоизоляцией. И она упрямо переходила мост через реку.

По узенькому тротуару немного водило из стороны в сторону. Она постоянно рисковала либо оказаться за перилами, либо попасть под машину. Иногда мелькала малодушная мысль – не препятствовать судьбе, но это был большой грех, неисправимый потому, что оттолкнуть его уже не было бы времени. Она перешла мост, вливаясь в светящийся людской муравейник, и начала искать спасительный кусок оголённой теплотрассы в ближайших дворах, потому что дальше идти уже не было сил, и холод постепенно пробирал до костей...

Когда мне рассказали эту грустную историю, я, неожиданно для себя, почему-то вспомнил и арку, и одинокую старушку в ней. А вдруг это было одно и то же лицо?

Валерий ИВАНОВ

ЖЕНСКИЙ ПОРТЕТ
цикл стихотворений

МАРИЯ

Удочерила нас, усыновила,
Спасая от безумного огня,
Когда трёхлетней девчушкой в Храм входила,
Уже тогда, как Господа любила...
Как миллион похожих на меня.

Среди таких же девочек-подростков
Молитву постигала и труды,
И что естественно казалось Ей и просто,
На самом деле было так серьёзно,
Как дивное рождение сверхзвезды.

Дитя мечтало встретить Божью Матерь
Рабыней Ей... ну что, вопросы есть?
Сама являясь Небом Благодати,
Смирилась до рабыни Бога ради,
В приюте возведя Себя на Крест.

Архангел Михаил небесной манной
Кормил Дитя, учил и наставлял,
Два слова: аллилуйя и осанна
Девчушка повторяла непрестанно,
Небесный Отче этому внимал.

Головку преклонив над рукодельем,
Уже творит Покрова полотно,
Архангел с Богородицею в келье...
И как это глаза мои посмели
Увидеть то, что смертным не дано?

САЛОМЕЯ

*Посв. двум своим православным сёстрам
Ирине и Таисье с любовью*

Повитуха привыкла, на стук отворяет задвижку,
Вот опять угораздило ночью кому-то рожать.
Видно благ этот муж, несмотря на озноб и одышку,
Так и мается весь и торопится снова бежать.

Вифлеемская ночь опустилась, смирясь, на колени,
Над Вертепом горит несказанного Света Звезда,
Не дано было зреть ни Иосифу, ни Саломее,
Как родился Господь, вне законов земных и труда.

Саломея, тебе! Послушание всех послушаний,
Засвидетельствуй всем девство Родшей по просьбе Её.
Повитуха, держись, сколько б после тебя вопрошали,
Не поверят тебе! Но со Господом сердце твоё.

А пока ты из рук в свои руки берёшь от Пречистой
Воплощённую жизнь и бессмертие судеб земных...
У Младенца глаза до того бесконечно лучисты,
Что нельзя уже жить, жить, как раньше, не чувствуя их.

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Посв. Таисье Дивеевской

Я назвал её: «Женщина», -
Что-то там говоря,
А она мне застенчиво:
«Раба Божия я».

Неотмирность нездешняя
Из Дивеевских уз,
Если женщиной внешняя,
То слезами на вкус.

Поубавьте, красавицы,
Свой телесный психоз,
На великую разницу –
Аполлон и Христос.

Послушание жуткое –
Век бездомной дожить,
И молитвенно, сутками,
Только Богу служить.

Узелками на ниточки
Все святые места,
Этой Божьей улиточке
От Креста до Креста.

Комары не кусаются,
Если Духом крещён.
Это что ж получается,
Есть такие ещё?

В многолюдные улицы –
Словно в масло игла,
Пешеходы прессуются
Вдоль, как липкая мгла.

Семенит, безмятежная,
Выбирает стезю,
Этим миром отвержена,
Но блаженна всюю.

Непрерывная исповедь,
Пост воды и крупы.
Эй, вы женщину видите?
До чего ж вы слепы...

ПОЗВОНИЛ...

Посв. И. Сулимовой

Старинной подружке вчера позвонил,
Похоже, подружка довольна,
По мере своих человеческих сил
Живём одиноко и вольно.

Ну, в общем, всё так же, как было всегда:
Болячки, работа, неврозы,
Не так, чтобы часто, а так, иногда –
Навстречу жлобы и стервозы.

В какие-то дразги влипаем подчас,
В какие-то встречи некстати,
А самое лучшее время для нас –
Плашмя до утра на кровати.

Тщета выходных и намеченных дел
Нахлѣстом, сплошная морока.
Подружка, прости, я давно не глядел
В твои те глаза с поволокой.

ЧИСТОЕ НЕБО

Посв. И. Орловой

Забавная ты, и вопрос твой меня позабавил:
«Что я для тебя?» Что ж, попробую это понять,
Пусть камешек прост, но зато он в изящной оправе,
И эту находку – нагнуть и просто поднять.

«Что я для тебя?» А что дереву птаха на ветке?
Гармонию мира кто ж сможет тебе объяснить?
В домашней своей, надоевшей до одури клетке
Глоток кислорода – когда есть, кому позвонить.

«Что я для тебя?» А что свету на пыльном окошке?
Он просто влетел и остался на время своё.
«Что я для тебя?» А что ниточке в детской ладошке?
Привязана к шарикку... шарик тот – сердце моё.

Любой человек – Церквушка с поместным уставом,
Устав принимаю, молюсь в ней во Имя твое.
«Что я для тебя?» Как всё много, как этого мало,
Ты – просто крупица песка золотого на дне.

ВЧЕРАШНЯЯ ЛЕНКА...

Ленку встретил пьяненькой и хищной,
Дал червонец ей на опохмел,
Пьёт в жару ведь, экая дурища,
Жаль, что достучаться не сумел.

Поползла куда-то в подворотни
За глотком дешёвого вина,
К той паразитирующей блотне,
На кого «работает» она.

Я ведь объяснял, что станет хуже
На порядок, может быть, на два...
Только в ней звучал намного глуше,
Чем паденье ржавого ведра.

Всё-таки взяла и обернулась...
Ленка, Ленка, ты ведь молода,
Пьяная твоя сиюминутность
Душу пожирает навсегда.

КАК ОНО ЕСТЬ...

Обитель скорби и печали –
Сиротский дом, сиротский хлеб,
Подушка мокрая ночами –
Всю боль предательства в начале
Неоперившихся судеб.

Бежит растрёпанная кроха,
Уткнётся в няньку и замрёт,
Хотя бы так, но как мне плохо,
И рифма сыпется горохом,
Который вряд ли прорастёт.

Ну да, приюты городские,
По шёрстке глядятся давно,
Все ухищрения людские,
На откуп совести мирские,
А вот глубинка – это дно.

Малышка вышла на прогулку,
Из куртки – шейки карандаш,
Ей с хлебовозки сунут булку,
Во мне мотор мой ёкнет гулко,
Когда в него такой дренаж.

Мальчишки стайкой беспризорной,
И прямо к ней, батона нет,
С ума сойти... она – покорна,
Ладошки к низу обречённо,
Ну а вокруг головки – СВЕТ.

Был тот приют затерян где-то,
Где вымирал пропойный люд,
В командировке этим летом
Мне б просто взять девчужку эту,
Да разведённым не дают...

В ГОСТЯХ У ВЕРЫ

Посв. Вере

Я не ворвался в жизнь твою,
Ведь я не ветер,
Похоже просто – дежавю
Те Божьи сети.

Туманом яблоневого цвет
По всей Калуге,
На куполах зажгут рассвет
Святые слуги.

Ты пригласила, я пришёл,
А кто осудит?
Там, где сейчас нехорошо,
Пусть нас не будет.

Твой дом – та келья на троих,
А я – четвёртый.
Облечь увиденное в стих –
Моя работа.

Иконки, книжки в тесный ряд,
Приют с дороги,
Такой забавный хрупкий взгляд
Девчонки Ольги.

Под потолком свистульки птиц
Из тёплой глины,
Мы все похожи на синиц
С одной долины.

Ну, мне пора, я за порог,
Дела – горохом,
Всё хорошо, храни нас Бог
Единым вздохом.

МОЯ ЖЕНЩИНА С ИМЕНЕМ ОСЕНЬ

Посв. Оксане

Она неприметна, и в этом спасение есть,
Не тронет её раздевающий взгляд похотливый,
Она – христианка, и вся её женская честь
Чиста как родник, над которым плакучие ивы.

В автобусе место ей вряд ли найдут уступить,
Любой продавец обмануть её примет за благо.
Она так смиренна, ну как мне её не любить?
Моя христианка, родная моя бедолага.

Кленовые листики держит в озябшей руке,
Слегка моросит, но опять она зонтик забыла.
Вся суетность мира в таком от неё далеке,
Как в ванной на полочке след от вчерашнего мыла.

Во время молитвы на службе она как дитя,
О каждом из нас отблесят непорочные слёзы.
Вот чем житию отличаться дано от житья,
Как слову молитвы дано отличаться от прозы.

Уйдут прихожанки, крестясь на церковный подъезд,
Слегка помаячу один за церковной оградой,
Почувствую кожей нательный свой маленький крест,
Ну, слава Создателю, осень и женщина рядом.

Людмила ФИЛАТОВА

КРЫША, КОТОРАЯ НЕ УЛЕТИТ

В это ясное октябрьское утро Елена Сергеевна Белая – «Ленок наш», как в шутку окрестили её в издательстве, откинув тёплое одеяло, героически спрыгнула на ледяной пол! Не топят, гады... Жизненные силы, с вечера уныло расплзшиеся по углам, тотчас, толкаясь и дурачась, заняли в её сладко потянувшемся теле свои рабочие места. Хотелось есть, нет, скорее – жрать! Это звериное чувство всегда просыпалось одновременно с ней, и ему постоянно приходилось сопротивляться.

Стоит только перекусить с утра, и – прощай таланты! Все в желудке спрячутся и будут там до обеда сибаритствовать. Нет, только – минералка без газа! Вот тогда весь мир, только что изпод одеяла посланный тобой к чертям, благополучно вернётся от них цел и невредим, чтоб потом весь день жонглировать причитающимися тебе кошмарами и удовольствиями.

Елена быстро оделась и, прибрав, конечно же, кое-как – чтобы не было стыдно, когда вернёшься, – подхватила сумку «всё своё ношу с собой» и – фрр...

- Ах... – распахнув дверь, зажмурилась она. – День-то какой! Просто – ах!

Елена любила эти воскресные бреюющие полёты по городу, особенно вечерние, когда во всём необъяснимая тайна меняющихся, будто вытекающих друг из друга образов, бликов и световых пятен. Душа её мгновенно заходила от всего этого, как сердце от любовного томленья. И ей, похоронившей себя под чужими рукописями и собственными не воплощёнными амбициями, тотчас хотелось и самой влиться в эту восхитительную фантазмагорию, растворившись в ней без остатка.

- Калуга моя, роднулечка, – с придыханием шептала она, блуждая по любимым улочкам и закоулкам, – вот только теперь тебя и разглядела... А раньше – как сквозь мутные очки, по молодости, наверно. Молодость, она только собой занята, потому и слепая. А созрела душа, и всё – словно в кровь вошло: и люд заводской, и богема местная, и молодёжь, хамоватая правда, но с душой! Улочки, дворики, садики... Старинные фасады, полуоблупленные... Гостиные ряды, как в Питере,

мост, ещё каменный, над Березуем, и островок старинного парка над окским обрывом. А больше всего, конечно, – Воробьёвка: крутой спуск с ветерком под подол, подростки с удочками, катера у причала, узкий дикий пляжик с завсегдатаями. Куда не глянешь – всё близкое, родное. Там – что-то хорошее с тобой случилось, тут – тоже! А почему, спросите, только хорошее? Да потому, что это молодость была! Столько порывов, чаяний...

Вот здесь, в панельном, у реки, подружка живёт, актриса драматическая! А в этом, кирпичном, у церковной башенки, литераторы местные собираются, провинциальную литературу двигают...

Ой, река моя Ока, ты – калачиком рука... Все-то к тебе тянутся, а некоторые и вообще без тебя не могут! Как я, например. Ведь если – вон туда, берегом, берегом, да чуть пониже... Там дорогие мои Кувшиновы станцию лодочную сторожат, собакам кашу на плитке варят. И если сейчас в реку войти, на спину лечь, то прямо к ним течением и принесёт. Встречайте, дорогие, ещё одного мокрого поселенца!

А по вечерам, когда стемнеет – огоньки на Оке, дрожащие... Иномарки у портового кабачка, сгрудившись, как жуки перегретые дремлют. И «ночные бабочки», ну, те самые, в чём-то – неимоверно воздушном, вроде и в одежде, а в общем-то – голые...

Музыка. Смех. И такая тоска накатывает по твоему уходящему, такому короткому женскому времени. Прощайте поцелуи в росе и жасмин до одури. Вот-вот – мороженое со слезами и туфли на низком каблуке. Скорей бы уж лето, скорей... – коротко передохнула Лена, – когда...

Оки божественное ложе опять цветёт по берегам, и я, но лишь чуть-чуть моложе, лечу на глассере, вон там...

Шагнув из подъезда, она чуть не подвернула ногу, но сумку всё-таки уронила.

- Надо же, Бог шельму метит! Ох уж эти «бальзаковские» бреющие полёты... Уже не по верхушкам облаков, как прежде, а прямо – по головам! Того и гляди, чью-нибудь снесёшь! Бойтесь мужики сороковой бабы, но не той, которая у вас по счёту сороковая, или которой недавно за сорок, а той, что вам самим на пятом десятке подвернётся, тогда – держись!

Но, бывает, что и у вашей «сороковой» – голова долой! А без «крыши», – сами понимаете... Вот, скажите, куда меня опять несёт?..

Под козырьком ближайшего киоска кудрявый дедушка с прозрачными глазами как всегда торговал парниковыми цветами. «Купи! – казалось, убеждал его взгляд. – Ведь для таких, как ты, и сажаю, остальным – плевать!»

- Купила. Как не купить?.. – желтоголовую хризантему на короткой ножке – мини-солнышко. – Пересчитала оставшуюся мелочь. На кофе «Три в одном» уже не хватало, только на – один в одном...

Нагулявшись до сырых ног и севшего голоса, Елена с трудом открыла свою ободранную дверь:

- На редакторскую зарплату хрен покрасишь... Они – муж Аркашка и псина соседская – по очереди её царапают. А что? Не сюда, так туда пустят. Соседи хорошие попались, всегда выручат, – забравшись с ногами в кухонное кресло, она обхватила ладонями горячую кружку кофе и, сделав глоток, сразу сомлела.

В прихожей вякнул звонок, и раздался тихий виноватый стук: мол, впустите гада, это – я, но таким «я» – я больше не буду!

- Это муженёк бывший... Развелись жизнь назад, а разъехаться – ни сил, ни денег, – зябко зевнула Елена, – насосался вчера до состояния риз, полночи скрёбся под дверью... Три раза, глядя в глазок, задавала ему один и тот же вопрос:

- Ты в уме, или без?.. Если в уме, то расскажи про Липатова.

Липатов – это глава Аркашкиной микрофирмы. «Глава», которую он боготворит и может восхвалять её, да и себя заодно, до самого утра, поминутно вваливаясь в Еленину комнату на гуттаперчевых ногах, выпучивая глаза и брызгая слюной.

«Расскажи про Липатова» это – тест на лояльность. Если начнёт рассказывать, значит, в ум ещё не пришёл – буен, опасен, и лучше ему не открывать, пусть ещё охладится под дверью. Если же не говорит про Липатова и их общие миллионы, а ноет, что устал и хочет в койку, – можно запустать!

- Ну вот... Даже отдыхать расхотелось! Отрицательная энергия тоже – толчок к творчеству, почти подзатыльник! – Елена притянула к себе стопку оставшейся с прошлого вечера бумаги. На первом листе уже было напечатано: «КРЫША, КОТОРАЯ НЕ УЛЕТИТ. Из ненаписанных дневников. Пятница».

- И когда это я?.. Ничего не помню! Возраст средний, а память девичья! Ну, что ж... Крыша, так крыша! Только брехня, что уже не улетит. Ещё как улетит, бетонной плитой не удержишь! Плевать она хотела и на возраст, да и на всё остальное!

...Но от этого Игоря надо бы – подальше! Патология... Мёд для творческих дам-с. Как мушки на таких летят. А мы

похитрей будем. Возьмём, да и определим этого Игорька в главные герои нашей «бредятины из Упанишад!» Грешни на бумаге, сколько хошь, а «отвечать бабушка будет». Лучший способ спустить пар!

Её тотчас легко перенесло на неделю назад, в литстудию и опустило на тот же стул, в тот же самый час. Скрипнула дверь, и вошли трое: один – балетный мальчик с явно тяжеловатым для его утончённого существа взглядом: другой – скорее всего, бармен из кафе средней руки или принаряженный рубщик мяса, а следом – амбал в синем свитере и чёрной кожаной куртке, тот самый Игорь. Голова его шевелила губами на такой высоте, что взгляд не сразу дотягивался до неё. Казалось, поэтический семинар посетил «всадник без головы» или пострадавшая при перевозке статуя Командора. Лена так и общалась около получаса только с первой парочкой, не удосужившись дотянуться взглядом до этой заблудившейся под потолком головы. А она... при ближайшем рассмотрении оказалась очень даже ничего! Особенно глаза и губы. Глаза – откровенные, и тут же пугающиеся своей откровенности, уходящие в надменность и даже в презрение к тому, что может выдать их ранимость. А губы – прямые, жёсткие до первого слова, и нервные, дёрганные, слегка перекошенные, когда их спускают с невидимой цепи. Тут тебе полный комплекс – и гордыня, и слабость, почти детская, и жестокость в самообороне: ударить в больное место и спрятаться в створки раковины – поди, достань! И подглядывать потом из щёлки – достал, или нет?..

- Нет уж, поберегите-ка вы, молодой человек, свои странности для какой-нибудь другой дурёхи! Их ещё много в России – охотниц до нервогрёпки...

Лена впустила сырого с ночи, припахивающего псиной, Аркашку. Он мигом проскочил в свою комнату и затих. Наверно, задрых под одеялом – одетый, конечно! Но это ненадолго. Через час, в лучшем случае два, он загремит на кухне кастрюлями и будет громко сокрушаться у пустого холодильника:

- У меня есть жена или нет?..

- Брянский волк тебе – жена! – как всегда усмехнётся Елена и опять погрузится в эмпирию.

- Эмпирии это – «писанина», своя или чужая, в них – жизнь! А вне их – «бытовуха», черт бы её побрал! Но «эмпиреев» без «бытовухи» не бывает. Небо должно быть связано с землёй хотя бы тонкой бечёвочкой, иначе улетит.

Закрыв на задвижку входную дверь, Елена вернулась на кухню. Кофе остыл.

- Вот собака! – попеняла она Аркашке, – ну не даёт жить!

Листы оказались закапанными тёмно-рыжим. – Успел-таки моего кофе отхлебнуть! Словно корова пролетела... – с сожалением выплеснула из чашки в раковину. – Так на чём я остановилась? Ах, да...

Отыскав последний абзац, она пометила его ногтем, ручек и карандашей у пишущих днём с огнём не сыщешь.

- Ох, и странная же вы личность, мой главный герой! Заведёте вы меня в философские бредни, ох заведёте! А туда ходить не надо – табу! Читателю это не понравится, да и издателю. И вообще, пора уже, пора – ближе к телу! Как можно ближе, но не до пошлости, пошлость и литература – вещи несовместные. Но без тела, увы, – плакал аванс кровавыми слезами...

Печатная машинка «Москва», списанная издательством при компьютеризации, жадно всхрапнув, проглотила Еленин взгляд, втянула в себя её бледные сухие пальцы, извините, с обкусанными ногтями, потом руки до локтей, а потом и саму Елену, и выплюнула всё это только через пять часов.

Очнулась она среди ночи. Аркашка громко «лакал» из-под крана.

- У... пьянчуга чёртов! – расправив плечи, потянулась она. – Всё сосёшь свою водяру?.. Когда ж она тебе поперёк глотки встанет?!

Аркашка пил уже лет пять. Если б не пил, его бы не держали на работе. Важных заказчиков спаивал. А это – тоже работа, причём хорошо оплачиваемая. Да и кто теперь не пьёт?..

К восьми утра она уже была в издательстве, надо было вычитать вёрстку. А оттуда, отпахав карандашиком добрых три часа, голодная и измотанная множеством ошибок при наборе, с абсолютно чумовой головой, она всё же отправилась к предмету своих многолетних нереализованных вождедений...

С этим «предметом» Елена вела космическую войну страстей, эмпирических конечно, припахивавшую то порохом, то фиалками, а то и гробовой доской. Полтора года назад сия гробовая доска почти сделалась реальностью, но спасла как всегда работа – до одури, до озверения...

Предмет вождедения в полосатой майке с дырой в районе сердца – не нашими ли заботами? – усмехнулась Елена, – как всегда лабал за монитором своего домашнего компьютера. Слегка приплюснутые пальцы его лупили по клавиатуре так, что рыбки в аквариуме подпрыгивали. Елена невольно усмехнулась, когда сообразила, что у Аркаши – аквариум, у соседа – аквариум и у Предмета тоже – аквариум. Интересно, а у «этого Игоря» есть аквариум? Если есть, то это уже – эпидемия! Мания величия мужиков заела. Каждому нужен

подчинённый мир, где хоть какие-то живые существа полностью от него зависят, как от Господа Бога.

Может, это у мужиков оттого, что бабы им перестали подчиняться?.. Да и трусоват стал мужичок... Вчера Аркаша пошёл в подвал за картошкой, а там лабиринты, вода под ногами хлюпает, и все лампочки выкручены. Представляете, идёт он с вытянутыми руками и вдруг, ладонь в ладонь, с чужими такими же руками сталкивается. Оба орали минуты две, сосед оказался. И тот, и другой весь вечер на валидоле сидели. Ни фонариков у мужиков, ни отвёртки, ни ножа перочинного. Одичали или обленились, кто их знает? А может, войны на них давно не было?.. Хотя, не дай Бог!

В общежитии, где ещё до сих пор обитал Предмет, пахло не традиционной квашеной капустой, а пиццей по-милански.

Предмет любил готовить, доказывая тем самым и себе, и окружающим, что женщина в наше время – это неоправданная роскошь, и совсем не обязательно эту «роскошь» себе позволять.

Гад... Но таких гадов и любят, до помешательства, до гибели. Тянет-то к тому, что не даётся! Успокаивает одно: потеряв всё, можно уже ничего не бояться. Но проехали, проехали, проехали...

- Влад, посмотри рассказик... Но без «ты» и «я». Будем считать, что «постороннему «В» – это из Вины Пуха – принесла свой рассказ посторонняя «Б», извини за каламбур, это от Белой. Ведь если не притвориться немного Б, кто нашу нудятину читать-то будет?

Предмету она доверяла всецело, за что и бывала бита, морально конечно, до полусмерти, от чего всё её оскорблённое существо тут же кидалось в творчество и – творило, творило, творило – по паре книжек в год, а то и по три. «Творюга!» – ласково поругивал её Аркаша, когда бывал в хорошем настроении.

-Творюга, это не от твари, а от творца. Хотя это иногда и совпадает.

Видимо, Предмет, к стыду Елены, был, как и всё вокруг, лишь генератором её буйной творческой фантазии! От этой мысли ей стало не по себе:

- Потребительница я! Качаю, качаю... А на гора что выдаю? Так, бабские детективчики. Кто их читает-то?..

Ещё раз обласкав взглядом вожделенный затылок, она прикрыла за собой дверь и, не попрощавшись, почти бегом ринулась вниз по лестнице и вылетела на улицу, неловко боднув коленом тяжёлую стеклянную дверь.

- И зачем приходила?.. – потёрла она ноющее колено. – Любовь! Любовь... Лечиться надо! Вот и вся любовь.

Укутав нос в воротник плаща, Елена, как всегда в дороге, ушла в себя.

- А Аркашка-то... – припомнив вдруг его напыщенный дурацкий вид, невольно ухмыльнулась она, – явно, кого-то себе завёл: постригся, нагладил, и уже целые сутки – трезвый! А вчера, когда жарил яичницу, конечно же – из «моих» яиц, даже улыбался...

Вот уже лет восемь, включая и три после развода, Елена пыталась выдать мужа замуж.

- Жених такого невозможно, никакой инициативы, а вот выдать за жену – можно. Не дурак, зарабатывает прилично, и внешность, когда умоется, – очень даже ничего! Пил бы поменьше...

Во вторник, наконец, позвонил «этот самый Игорь». Лена вынесла из дому его рукопись, но он усадил её в машину:

- Покатаемся?

- А почему бы и нет? Семеро по лавкам не плачут... Сначала хотела детей, не получалось... А потом – зачем они от алкаша?..

Она украдкой оглядела себя в автомобильном зеркальце, любуясь недавно купленным, конечно же, в комиссионке, каракулевым беретом. Иных магазинов при её нынешних доходах уже не существовало.

- Хорошо... Зря, что ли я, целый месяц – прости боже автора! – эту муру несусветную редактировала?..

Ездили молча до темноты. Город, казалось, ссутулился под тяжестью тяжёлых осенних облаков. Витрины магазинов всё ещё радостно пялили на прохожих глаза, полные слёз.

Её вдруг сильно тряхнуло, и она, наконец, заметила, что едут-то они уже пригородом, вернее грязными всклокоченными пустырями за ним. Наконец, машина Игоря вырвалась на бетонку и бесшумно помчалась вдоль полей и узких, уже облысевших, лесополос.

Лена любила быструю езду. Раньше, когда Аркаша ещё был трезвенником, они часто ездили за город, просто так, чтобы ощутить скорость и свободу. Казалось, глаза пили дорогу, впитывали её, и она с бешеной скоростью сматывалась в клубок в той части мозга, которая, видимо, ведала генной памятью.

- Ведь кто-то из близких в своё время уже любил всё это, я – теперь, а мои дети и внуки, если конечно ещё будут, непременно полюбят всё это потом, даже если родятся за границей, кровь-то – одна!

Странно, но любовь к Родине охватывала её с наибольшей силой именно в минуты этого, в общем-то, совершенно

бессмысленного движения: то, будто во сне, – по полузаброшенным деревням, мимо обветшалых церквей, сараев, бань и бесконечно тянущихся изгородей, летом – с мальвами и золотыми шарами, а зимой – с тряпками, ведрами и галдящим на них вороньём.

Она любила с ветерком промчатся по бетонке! Или медленно тащиться по просёлочной... А то и – безрассудно вылить по канавам меж сельмагами и пивными палатками, этими «культурными» центрами на селе, возле которых непременно кучкуются по трое старички, ошастливленные хоть какой-то пенсией, и ещё не сбежавшие в город механизаторы, увы, вовсе без всякой денежной наличности! Сия несправедливость в распределении «общечеловеческих ценностей» уж точно к ночи закончится мордобоем и бабьим визгом.

Вперёд, вперёд... Мимо рабочих посёлков, утыканных бесцветными коробками двухэтажек, мимо почему-то железобетонных остановок – ведь не дзоты же? – внутри расписанных неприличными словами, а снаружи расстрелянных местной шпаной из поджиг. «ГТ» и «Макаровы» – это уже ближе к столице.

Или... – вмиг пропорхнуть мимо одиноко стоящих в сторонке школ, в которых учителя уже боятся учеников, а ученики – подкрадывающейся нищеты. И всё – мимо, и мимо... И почему-то никогда – куда-то именно.

Казалось, душа пила и пила это бесконечное, слава Богу, ещё ничё – а может, и не слава Богу, поди теперь, разберись... – пространство, и никак не могла напиться.

Процесс этого «пьянства» завораживал. И опьянение надолго задерживалось в скрюченных от напряжения мизинцах, в разгорячённых мочках ушей и даже в пропахших стылým ветром волосах.

Хотите, верьте, хотите, нет, но Елена так ушла в свои размышления, что вспомнила об Игоре только, когда он притормозил у её дома. Единственная фраза, которую он произнёс, была:

- С вами жарко ездить!

Он расстегнул куртку, хлопнул дверь и умчался в неизвестном направлении.

- Мне и самой с собой жарко... – вздохнула Елена, ворочая погнутым ключом в чёрной дыре замочной скважины.

Назавтра опять была литучёба, в общем, и не учёба, а так... отдохновение души. Препирались всласть! Молодую, неопытную обсуждали. Ни рифмы не признаёт, ни ритма, считает себя гениальной, да ещё и напор как у бульдозера. Есть у неё строка: «Уехать бы в Лондон, и в Темзу нырнуть...».

- И мне бы! – вздохнула Елена. – Хотя... Меня отсюда – никаким бульдозером! Здесь и подохну, как Гумилёв, где-нибудь под забором, у сточной канавы. Счастье-то какое – дома, среди своих... И как только эту эмиграцию выдерживали? Там же ничегошеньки нашего, всяк – за себя, да ещё и – в одиночку! А мы тут – как рябиновые бусы: все, хоть убей, – «красненькие», особенно, когда – за бутылкой, ведь после пары стопок всё друг дружке братья да товарищи... Да ещё и – одной иглой на общую нитку нанизаны!

А вы – жёлтые, белые да коричневые, не спешите возмущаться. Вглядитесь в себя поглубже! Ну?.. Не помогает? Тогда – ещё по чуть-чуть. Ну вот... То-то же!

У нас ведь тут... Что бы ни было – тишина ли мёртвая стоит или гвалт несусветный – а отойдёшь в сторонку, прислушаешься:

- У-у-у... Стон ли?.. Зов ли? Так и пронзает всё и вся от края до края, из конца в конец, – это она, мамка наша – Русь-матушка, губу прикусив, на иголку этого «у-у-у...» всех нас нанизывает. Никого не пропустит. Потому, что любит. Так куда ж от любви ехать-то?..

В курилке народу опять битком. Здесь самые разговоры, куда интереснее, чем при обсуждении, – искренней, раскованной. Даже некурящие заходят чужой дым поглотать. Пассивное курение. Пассивная жизнь... Пассивное творчество! Хотя, какое оно тогда творчество, чёрт его поберёт?!

Елена нервно смяла пустую пачку из-под «Явы» и швырнула в урну. Через пару часов, незаметно ускользнув, она закрыла в коридоре окна, чтобы рамы ветром не побилло, и решила сбежать, не прощаясь. В голове что-то складывалось и хотелось дать ему выход.

Взглянув под гору, Елена на минуту замерла. Там, внизу, всё колыхалось и бултыхалось в мокром зябком золоте. Фиолетовые просветы между домами казались перевёрнутыми домами другого измерения, в общем, город – в городе... Колдовство какое-то.

Вдруг узкая серебристая машина, незаметно подкравшись сзади, толкнула её под локоть. Дверца бесшумно распахнулась, и в свете фонаря вспыхнул знакомый «ёжик» Игоря.

- Фу ты, напугал... – весело заворчала Елена, садясь в машину. – Это ведь не твоя, твоя тёмная была, с одной дверью.

- Эта тоже моя. Едем?

- Не-а, у меня ещё дела... – соврала она, уже забираясь на сиденье.

- Какие могут быть дела в пол-одиннадцатого ночи? – усмехнулся Игорь. – Едем!

И машина тронулась, нет, с рёвом рванула с места, с жуткими кренами на поворотах пронеслась по городу, перепрыгнула мост и вырвалась на бетонку.

- Испугаться, что ли? – расслабленно подумала Елена. – А чего пугаться-то? Ну, разобьёмся, так это даже к лучшему, не доживу до старухи!

Жить без любви, без постоянного ожидания её, без фантазий и придумок на тему любви она не умела. Видно, её сделали в сладкий час, и в матроны – по Ефремову – она не годилась – только в куртизанки. А куда деваться стареющей куртизанке, в мемуары подаваться, учить кого-то своему опыту?.. Так и опыта-то – с гулькин нос!

Однажды, когда она была ещё маленькой, взглянув в зеркало, Ленка почему-то не понравилась себе и сказала маме:

- Сейчас залезу на крышу, спрыгну с неё, убьюсь, и родюсь заново – хорошенькой-прехорошенькой!

Теперь подобные мысли всё чаще приходили ей на ум...

Машина неслась по трассе как сумасшедшая. «Куда! Куда? – казалось, кричала луна, широко раскрыв рот и раскинув невидимые руки. – Держи! Держи её!» Лес на обочинах слился в мутную грязно-бурую ленту.

- Совсем, как от пишущей машинки, – мелькнуло в замороженном сознании Елены, – интересно, этот Игорь, он псих, или Архангел, пришедший выдернуть меня из этого?.. Надоело-то как... – есть, пить, толочься в окололитературном, да и в любом другом пустословии и пустоделании. Особенно тело надоело! То ему подай, это... Стать бы световым пучком или на худой конец энергетическим сгустком! Ни возраста ему, ни внешности, и жрать ему не надо! Все проблемы – долой.

Встречный транспорт сигналил. Видимо, безумная машина Игоря делала что-то не так, наконец, она «споткнулась» на колдобине и, высоко подпрыгнув, еле вырुлила.

Елена больно ударилась затылком об обивку кузова, но ей вдруг стало весело, будто она, как в детстве при переездах, перенеслась в совсем другую жизнь – свежую, чистую, полную неожиданностей и приключений.

- Надо же, – живу! – почти с благодарностью посмотрела она на Игоря. Может, почувствовав этот случайный квант тепла, он начал сбавлять скорость и резко затормозил метров за десять до надломленного бетонного столба, похожего то ли на букву «л», то ли на кособокое «п». Видно, кто-то тут крепко врезался!

- Приехали! – выдохнул Игорь, бросил руль и неловко упал острым локтем ей на колени.левой рукой он сгрёб подол

её выдавшей виды походной юбки и зачем-то замотал в него голову.

Он то всхлипывал, то тяжело дышал, подрагивая от предрасветного озноба. Лена наклонилась, сочувственно клюнула носом ему в предплечье и безотчётно начала поглаживать бедолагу по влажному тёплому затылку.

- У-у-у..., за что? Не хочу! – что-то бессвязное рвалось и подрагивало у неё под рукой, – Ла..., Ларочка...

Спрашивать ни о чём не хотелось, да и знать тоже. Последнее время эта беспардонная реальность так называемой перестроечной эпохи настолько опротивела, что стала почти нереальной. Реальной оставалась только природа, да ещё то, чем Елена управляла в своих «эмпиреях». Там, и только там, ещё билась сбежавшая из явного маразма, расцветенная чувствами, обогащённая целью и хоть каким-то смыслом, пусть и вымышленная, но всё же настоящая жизнь!

В будничной же нищенской суеде всё бестолково мельтешило, вело себя настолько неоправданно и глупо, что, пожалуй, уже не стоило и гроша.

Наконец, Игорь успокоился. Она вытерла ему глаза и поцеловала в нос, как маленького. Оглядевшись, он поёжился словно от навязчивого видения или пугающего воспоминания. Руки его опять заходили ходуном...

- Убил он кого-то здесь, что ли? – невольно подумала Елена. – А впрочем, мне-то какое дело? И вообще, есть ли хоть кто-то в теперешней нашей стране, кому хоть до кого-то есть дело? Стада беспризорных человеческих особей...

Не было сказано ни слова. Машина развернулась почти на месте и повезла два нелепых существа назад, в места их невесёлого обитания.

Лена вернулась домой в пять утра.

- Но ведь завтра... Нет, уже сегодня, – выходной... – Ура!

Дверь своей комнаты приоткрыл Аркадий:

- Ничего не случилось?..

- Случилось! Я, кажется, замуж выхожу...

- Врёшь! – обиделся он и скрылся у себя. Пружины его матраса огорчённо скрипнули.

- Конечно, вру, – хмыкнула Елена, – ну куда я от тебя денусь, да и от себя тоже? Разве можно в подобной реальности хоть что-то менять?.. Семья, даже развалившаяся, всё-таки удерживает. А шагни в пустоту, где – ни твоей кухни, ни чайника, ни машинки, ни живой души, сопящей за стеной, а, главное, ни – с таким трудом завоёванной свободы, и... Сами понимаете – амба! Уссурийский тигр... Вот почему умные так любви боятся! Погибель она всему. И мирок разрушит, и мира

не даст. Поманит, затаяет и выплюнет. Бедный, бедный Аркашка... Пролетел, видать, как фанера над Парижем... Даже новый костюм не помог! – Лена порвала в клоки два последних листа рукописи и начала главу заново:

- Всё-таки я этого поганца – это о главном герое – вытащу, никуда не денется! Реальнее становится наш Игорёша, ощутимее: и это его беззащитное детское тепло, и дурацкие истерики, и запах пота. Опасный какой-то запах... А ведь – тянет! Вот вам и ярчайший образчик женской логики!

Неделя прошла, как серый курьерский поезд – шумно, быстро, без озарений и впечатлений.

- Опять суббота, а планов – никаких. Слава Богу, позвонил Игорь. Интересно, что тогда с ним было? Страстишкой вроде не пахнет, подолы у женщин, извините, не для то-го-с...

- Елена Сергеевна, надо встретиться, – как всегда коротко отрубил он, – есть вопросы по тексту. Через десять минут буду.

Лена нехотя навела марафет, хоть и поэт, а мужчина всё-таки... Вдруг вспомнилось, как Аркашка в первые годы после свадьбы всё спрашивал:

- Куда идёшь?..

- К поэтам.

- А... к этим? К этим – можешь! Не ревную. Они ведь не мужики. Мужики дело делают, а те, которые не способны – стишки пописывают... Все поэты, актёры, музыканты – бабы в штанах!

Когда вышла из-под арки, Игорь уже ждал, приоткрыв дверцу:

- Едем?

- Всё едем, да едем... Давай, куда-нибудь пойдём, выпьем, поедим чего-нибудь. С утра во рту – ни рогалика.

- Куда?

- Ну, хоть в «Атолл»! – Лена вспомнила, что туда частенько заваливался Аркашка со своей «бандой». – Там осетрина на вертеле, винцо неплохое...

На самом деле она ни разу не была в «Атолле». Так, пыль в глаза пускала...

- Посмотрим... – отпустил сцепление Игорь. – Только сначала – в гараж, я бензина подолью.

Гараж оказался на окраине бора. Две уцелевшие сосны заломили над ним руки, как будто стена о погибших сёстрах. Дверь открывалась кнопкой. Потолок был неимоверно высок, метров шесть, не меньше. Справа и слева – шкафы-верстаки, лампы дневного света.

- Сколько стоит посидеть в вашем «Атолле»? – обернулся Игорь. Он выдвинул из верстака два узких ящика. Один был

доверху набит сторублёвками, другой – зеленоватыми сто долларовыми банкнотами.

- Пятьсот, наверно...

- Ты столько хотела потратить?.. – вдруг поджог он сложенные веером сторублёвки. – Считаю, потратила!

- Елена попятилась к выходу.

- Нет! – Игорь вдруг наклонился и, схватив её за щиколотки, поднял высоко над собой. Душа в Елене ахнула и всплеснула крыльями! Руки Игоря задрожали от напряжения... Он медленно, очень медленно опустил Елену вниз, положил себе на грудь и дал соскользнуть. Потом – опять вверх, и снова – вниз. Ничего не надо было делать самой. Всё делалось за тебя и помимо тебя. Сильные руки вершили своё дело. Оставалось только ловить всё ускользящий рай... А он всё рос и ширился, этот рай, заполняя всю Елену, пока не убил её. И после смерти она впервые была оставлена в покое. Никто не мучил её, дополучая какие-то свои, уже не касающиеся её удовольствия.

И никого не было жалко.

- Значит, он умер вместе со мной?.. – решила она.

Но он всё же ожил и нехотя поставил её на пол.

- Знает всё-таки, что делать с подолом... – сверкнув глазами, улыбнулась Елена.

- У тебя глаза в темноте светятся...

- Знаю.

Уже дома, лёжа на своём раскуроченном бессонницей диване, она несколько раз прокручивала в памяти случившееся, возвращая всё кадр за кадром. И каждый раз душа ахала и взлетала, немели ноги, и где-то внизу позвоночника насквозь прошивало короткой сладкой судорогой.

- Жить... вот так, с мужчиной, – не грех! – вдруг промелькнуло в сознании. – Грех – так не жить!

И ещё:

- Хорошо сказала! Надо бы записать...

Долгожданное воскресенье, наконец-то, великодушно позволило провалиться в постели почти до обеда. Всё глубже глядяваясь в себя, в свои поступки и ощущения, Елена вдруг нашла интересную закономерность:

- Да ведь что-то похожее уже было со мной... Тогда, лет в пятнадцать или семнадцать?..

Ехали на картошку, грузовик сломался, увязнув в грязи. Вызвали вездеход из соседней воинской части. Из него выскочил шофёр-верзила и, порывивая от удовольствия, скомандовал:

- Девчата, – в кузов! Одну ножку – туда, другую – сюда. Потом – под зад рукой, и закидывает в машину всех по очереди. А Лена стоит в стороне. Все в брюках и сапогах, а она – в туфельках и в юбочке короткой.

- А вам, принцесса, особое приглашение надо? – шофёр подошёл и, схватив её за щиколотки, прямую, как тростинка, высоко поднял над головой, только юбочка вспорхнула. Потом какое-то время помедлил и, наконец, осторожно поставил на доски кузова. Ленка даже испугаться не успела. Но сердце точно также взлетело, и ноги онемели, и судорога, только ещё совсем слабая прошла крестец. И почти, как сейчас, лёжа потом с девчатами на самодельных полатах в школьном спортзале, она вспоминала всё и раз, и два, и три, как бы проверяя – уйдёт судорога, или нет?.. Потом всё отодвинулось, забылось. И вот когда вынырнуло! Через двадцать лет... Понравилось тогда? Приняла?.. Что ж – получай. Теперь – самое время! Лена и сама чувствовала, что именно теперь пришло её время. Всё, заслоняющее домыслами, пугающее житейскими страхами – отступило, подалось назад. Осталась только она и её чувства, устремления, желания, созревшие, достигшие апогея. Просто стыдно было уйти из всего этого..., так и не узнав – зачем?..

Не спалось. Тлеющий разряд желания, завладев сознанием, продолжал разжигать и тело. Что с ней сделал этот Игорь? Хотелось бегать за ним собачонкой, как соседский Тошка за Аркашей, поскуливая и покусывая от восторга его штанины.

- Какая уж тут работа? Но ведь не бросишь её. Страниц пять осталось, не больше. И не хотелось ведь, а гляди, запахло всё-таки криминалом... Время такое. Куда ж от них деться – и от времени, и от криминала? Будут теперь обвинять в конъюнктуре, ещё в чём-нибудь... Ну и бес с ними! Главное, что подошла минуточка, когда вещь уже сама пишется. А тогда, только пальцами по клавиатуре – бей не жалеи!

Печатная машинка, наконец, не выдержав – сдохла. Шестерёнка полетела. Елена вставила в ручку новый стержень, но почему-то встала из-за стола и подошла к окну:

- Игорь пропал на три недели. В чём промашка? Я оказалась слишком лёгкой добычей? Но, разве «это» – управляемо?.. Может, с ним что-то случилось? Доллары пачками за так в руки не даются...

Только теперь, несколько поостыв от впечатлений последней встречи, Елена сообразила, что ничего о нём не знает: ни фамилии, ни адреса, ни места работы! Только – гараж, да и то, если найдёт дорогу.

- Ну вот, и до гаражей докатилась... Может, я заболела?.. Что-то трясёт очень... – съёжившись, она скомкала очередной лист. – Да и в сон тянет...

Устала вусмерть. Полчетвёртого, а передохнуть нельзя: уйдёт концовка, не поймашь! Надо добивать, добивать, добивать...

Найти гараж Игоря оказалось не сложно: деревья с запрокинутыми руками помогли. А номер легко запоминался: три семёрки – сплошное счастье! Дверь оказалась полукруглой. Он был там и говорил по сотовому:

- А, скажи ты мне, чем она лучше других?.. Что-то ты тех двух не жалел... Дуры, говоришь? Значит, тебе умную жалко, а дур нет? Да целы они ещё, целы, тебе говорю! В подвале у меня сидят. Что?.. Это тебе, а не мне лечиться надо! Ничуть не жалею, что эту Верку-лахудру закопал! Я из-за таких потаскух Ларочку потерял, любовь свою единственную. Застала нас, ну помнишь, и – за руль! Нету теперь... Холмик один. У... – заразы! Я на могиле поклялся – трёх за неё положу, голубку мою...

Елена замерла за дверью. Игорь уже почти кричал в трубку:

- Ну, вот с неё и начну! Чересчур шустра оказалась. Тихой сапой в самое мясо, в душу, лезет... Не выйдет! Сегодня в Шамордино отвезу, «на экскурсию». Земелька-то сейчас – мягкая...

- Псих какой-то! Неужели про меня? – опомнилась Елена.

Затылок онемел. Она машинально потянулась потереть его и стукнула сумкой по воротам гаража. Неловкий шаг назад, и гравий под каблуками закрипел. В проёме двери появился Игорь с мобильником в руках:

- А вот и она, легка на помине! Завтра договорим. Да, да... И тебе – ни пуха!

Он пригнулся и подхватил у Елены сумку:

- Проходи, проходи... А я звонил в издательство, сказали, что у вас выходной. Вот с машиной вожусь. Решил тебя в Шамордино свозить. Вид там с холма – обалденный! Кладбище – тихое такое, у монастыря. Говорят, этот монастырь в память о двух девчонках-малолетках отец с матерью возвели.

Перед глазами Елены вдруг возник тот самый столб у дороги, ну, который – то ли «Л», то ли «П». Ноги мелко задрожали. Если бы её спросили, откуда к ней пришла уверенность, что ей грозит смертельная опасность, она бы не ответила, но всё её сомлевшее существо уже не сомневалось в этом.

- Ты чего такая бледная? Давно там, за дверью стояла?.. – в глазах Игоря вспыхнула злая бесовинка!

- Нет, только подошла. Так, сердце что-то прихватило...
- Рановато прихватывать начало, – он ещё раз недоверчиво оглядел её с ног до головы. – Что в сумке-то?..

- Сюрприз!

Отковырнув влажными от страха пальцами ржавую кнопку на крышке сумки, Елена начала доставать и выкладывать на верстак такие нелепые теперь подарки: апельсины, сыр, бутылку «Земфиры». Справа вдруг сильно потянуло чем-то химическим...

- Ацетоном что ли? Да, нет. А... Вон, на верстаке – ведро с бензином. Наверно, левачок приезжал. Надо ж, у такого богатого, и канистры свободной нет?..

Присев над полупустой сумкой, она с неприязнью скосила взгляд на Игоря и вдруг боковым зрением уловила едва заметное движение тени на стене.

- Ну, точно! – ствол с глушителем! Длинный какой, как в кино...

Абрис ствола развернулся и обозначился чётче.

- Где у меня зажигалка? – заторопилась Елена – Ах, да, – в правом боку!

Дальше последовало два стремительных подсознательных движения: развернувшись, как сжатая пружина, она опрокинула на Игоря ведро с бензином и чиркнула зажигалкой!

Отпрянув, Елена больно ударилась виском о крышку откидного стола и, скорчившись под ней в три погибели, потащила на себя кусок промасленного брезента...

Кровь шумела в висках мерно сыплющимся песком... Минуты две, а может и больше, ничего не было слышно. Наконец, выбравшись, она открыла глаза и поняла, что в гараже никого нет. Разбитая бутылка вина и пара апельсинов на полу... От едкого запаха палёной кожи сразу начало тошнить. Зажав нос, она опрометью бросилась вон! Добежав до обрыва, начинающегося прямо от дорожки к гаражу, она какое-то время ещё постояла над ним, провожая бессмысленным взглядом катящийся под гору ком огня, ревущий что-то нечленораздельное...

- Бежать, сейчас же бежать! – ударило под колени, но они тут же обмякли. Присев на корточки, огляделась. – Никого! Конечно же, – рабочий день... Что я натворила-то! Может, это и не я?... Она ощупала себя. Вот, чёрт, сумку забыла, там ведь документы!

Вернувшись в гараж, она нашла обгоревшую сумку и зачем-то подобрала валявшийся на полу ствол. Вдруг со стороны подвала послышалось:

- Помогите, помогите!

Елена положила палец на курок и подошла ближе:

- Эй, люди... – отодвинув засов, она с трудом открыла крышку подвала. Из черноты пахнуло тёплыми нечистотами. В глубине что-то зашевелилось...

- Эй, вы там, выбирайтесь сами, если можете! – крикнула она вниз, и почувствовала, что теряет сознание...

Авторучка нехотя скатилась со стола и шлёпнула спящей Елене по щиколотке. Машинально потянувшись за ней, она окончательно проснулась:

- Да что ж это такое?.. Вот примерещится-то! Аж сердце остановилось.

Она поставила чайник на газ, зажгла ещё и соседнюю конфорку и, погрев над ней руки, быстро записала приснившееся. Потом вдруг зачеркнула последний абзац и добавила уже от себя: «Стемнело. Пошёл дождь, сначала мелкий, как сквозь сито, потом – крупнее. Капли ударяли по обожжённому лицу Игоря всё больней и больней. Наконец, прохладный ручеёк потёк ему за ворот. Он сгрёб ладонью жидкую грязь, прижал её к животу, потом обмазал ею и багровую шею.

- Эй! – приподнявшись на локтях, попытался крикнуть он, соскользнул с пригорка и кубарем покатился вниз, туда, где по мокрому асфальту уже шла на подъём белая «Волга» с красным крестом...»

- Всё... – выдохнула Елена. – Не убивать же его?! А если живым оставить, то и продолжение всегда можно состряпать.

Громко заверещал телефон. Или показалось?.. Она нехотя сняла трубку.

- Это я, Игорь. Уже семь утра. Жду тебя внизу. Купил две путёвки в Шамордино. Там сейчас такая красотища...

Лена покачала трубку на ладони, словно прикидывая на вес:

- Нет, прости. Я вернулась к мужу. Не звони больше, не надо!

В трубке почему-то раздался тихий смешок, и пошли гудки...

Вячеслав БОТУК

ВОДА И ВИНО

В прекрасном сосуде простая вода
Не станет душистым вином никогда.
Но даже в надтреснутом старом стакане
Вино свою суть сохраняет всегда!..

ЛЕДИ ЗИМА

Леди Зима, позвольте
Вас пригласить на бал?!
Вы в кринолинах тонете
Средь ледяных зеркал.

Запах морозной свежести
Так Вам сейчас к лицу.
Солнечный лучик с нежностью
К Вашему льнёт крыльцу.

От красоты загадочной
Кружится голова.
И приглашеньем сказочным
Снова звучат слова...

«Леди Зима! Позвольте...»

БУДЕМ ПИТЬ ГЛИНТВЕЙН...

Будем пить глинтвейн, будем есть блины.
Будем песни петь зимней старины.
Будем говорить, нежностью дыша.
От забот и дел отдохнёт душа.

Огоньки свечей, тени колдовства.
Новогодний свет в тайну Рождества.
Ожиданье тех, святочных чудес.
И привет звезды из ночных небес...

Я ВАС ПОДОЗРЕВАЮ В НЕЛЮБВИ

Я Вас подозреваю в нелюбви!
Хоть Вы и уверяете в обратном.
Не скрою, Ваши мне слова приятны,
Но Ваших глаз не трогают они.

Я Вас подозреваю в нелюбви!
Хоть поцелуи Ваши все так нежны,
Но в них скользит какая-то небрежность.
Мне милостыни дарите свои?!

Я Вас подозреваю в нелюбви!
Моя душа пред Вами на коленях.
А Ваша пьёт вино капризной лени.
Для Вас я лишь случайный визави.

Я Вас подозреваю в нелюбви...

ОБО МНЕ НЕ...

Обо мне не снимут передачи,
И не будет траурных речей.
Я уйду, как прежде, за удачей,
Перепрыгнув Стиксовый ручей.

Я уйду, ни с кем не попрощавшись,
Треуголку сдвинув набекрень.
На волнах солёных раскачавшись,
Взмочет ввысь оранжевый тюлень.

Снова март своих зайчат за ушки
Будет из сугробов доставать.
И для гольфа розовые клюшки
Будут дружной стаей пролетать.

Будет всё, как до того – и после.
Как со мною, так и без меня.
Я уйду, оставшись, просто... просто
Ветром в гриве вольного коня...

ПОТАКАЯ ПОТОКУ

Напевала лиловая лошадь,
Ударяя копытом в бубен.
А пред нею плясала площадь,
Где почти каждый был безумен.

Открывали глаза потомки,
Закрывая глаза всем предкам.
Клали страхи в свои котомки,
Птиц запрягав в грудные клетки.

Разлетался по небу пепел
От пожаров осенних спален.
Был старик молчалив и светел,
И прощающе был печален.

У восхода глаза закрыты,
Нету пламени у заката.
Тихо топят листву ракиты
В струях тёмного переката...

СНЫ

Они приходят ниоткуда
И исчезают в никуда.
Как грёзы старого верблюда,
В которых царствует вода.

Они слетаются на крышу,
Которой радостно в пути.
И одуванчики колышут,
Чтоб с ними лёгкость обрести.

Им хорошо в скитанье вечном
Бродить в туманах у болот.
Мигнуть звездой на тракте млечном
И взвиться с вороном в полёт...

ПЛЕН БЕСКОНЕЧНОСТИ

Восклицание Фауста – блеф!
У мгновений одно только – бег!
Ни волшба, ни забвенье, ни бог
Сей оспорить не в силах итог.

Отчего ж, эти догмы круша,
Хочет вечности снова душа?!
В беспощадный и бурный поток
Неизбежно падёт лепесток.

Он исчезнет, как будто не жил,
Хоть и рвался из всех своих жил.
Относительность – странная вещь,
Может в дебри такие увлечь!

Мы в пространстве сжимаемся в ноль,
На прощанье даря свою боль...
Где-то там, в еле видной дали
Всё текут циферблаты Дали...

БУМАЖНЫЙ ФОНАРИК

Сегодня – тучи...
И ветер жгучий,
И снег колючий
В глаза – пургой.

Я знаю точно,
Что этой ночью
Порвался в клочья
Фонарик мой.

Он был бумажным,
Но был отважным.
И просто важно,
Что он светил.

И если верить,
Что можно склеить
И вновь лелеять...
То... хватит сил?!..

Александр ХМЕЛЕВСКИЙ

ЛЮБОВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ГОРАЦИЯ

Низкое, занимающее почти половину комнаты широкое ложе Морфея, табурет рядом с ним и масляный, с узким язычком пламени светильник на высоком треножнике в дальнем углу – вот и вся меблировка спальни.

Гораций откинул одеяло и осторожно – двумя пальцами потрогал ложе. Оно оказалось упруго-мягким; значит, сон будет приятным. Не торопясь, он снял тогу и аккуратно сложил её на табурет, оставшись в короткой тунике; сев на ложе, расстегнул ремни башмаков и скинул их с ног. Затем, устроив подушку поудобнее, он лёг на спину и с наслаждением вытянулся на постели.

Поездка продолжалась уже девятый день, была интересна быстрой сменой впечатлений, встречами и иногда забавными происшествиями, но при этом от долгой дороги исподволь накапливалась усталость. Поэтому так приятно было лежать, погружаясь в дремотную истому, незаметно переходящую в сладкое забытие сна.

- Мой господин...

Вкрадчивый и нежный женский голосок ворвался в его полугрёзу, и Гораций резко приподнялся, а затем сел. В дверях стояла молоденькая девушка с канфаром, небольшим греческим кубком, осторожно держа его за обе ручки. На ней был хитон из полупрозрачной ткани, спускавшийся ниже колен, а поверх него домашняя, очень лёгкая накидка, прихотливыми складками закрывавшая её фигуру немного ниже талии.

- Прости, мой господин. Не хочешь ли глоток вина перед сном?

Он спустил ноги с ложа и улыбнулся.

- Не откажусь.

Гораций невольно залюбовался грацией девушки: она, легко ступая ножками в изящных сандалиях, подошла и протянула ему канфар. Пальцы их рук соприкоснулись, и он почувствовал бархатистость её кожи.

- Как тебя зовут, девочка? – спросил он, сделав большой глоток.

- Я – не девочка, – она капризно надула губки. – А зовут меня – Гилария.

Гораций ещё раз окинул её взглядом, на этот раз более внимательным. Похоже, она и в самом деле уже извела первые радости Эроса.

- Прости меня, красотка. Я меньше всего хотел тебя обидеть, – он снова сделал глоток из канфара. Сладкое хиосское вино было отменным по вкусу. Он опустил канфар на колени. – У тебя красивое имя. Ги-ла-ри-я. Будто струны форминги звучат.

- А как зовут тебя, мой господин? – с полуулыбкой благодарности спросила девушка.

- Квинт – моё имя. И не называй меня господином. Хорошо?

- Хорошо, мой... - она осеклась и прыснула. – Квинт? Ты был пятым?

Гораций просмаковал очередной глоток вина.

- Нет, смешливая Гилария. Я был первым и последним.

- Прости меня глупую, благородный Квинт. Я ведь простая служанка.

Гораций расхохотался.

- Благородный? Гилария, милая, я – сын вольноотпущенника. Всего лишь! Я из простых, хотя в школе в Риме я учился с отпрысками патрициев, да и сейчас вхож в дома знатных людей. Но... Я никогда не забываю, что я – сын раба-вольноотпущенника. А ты откуда? Судя по имени, ты из Греции?

- Да. Я выросла в Милете и до тринадцати лет жила с родителями. Затем отец уехал на Кипр, а возвращаясь, погиб при нападении пиратов. Так рассказывали. Мать умерла через полгода от простуды. Дом и имущество продали за долги...

Гилария, закрыв лицо руками и всхлипнув, мелкими шажкам и подошла к Горацию, словно ища у него сочувствия.

- А меня купил старый богатый римлянин...

- Бедная-бедная девочка, - пробормотал Гораций и осторожно-ласково, едва прикасаясь, погладил ладонью её округлое бедро.

- ...через год он умер, а я попала сюда – к его родственникам.

Она отняла руки от лица. На её глазах блестели слёзы, но она, улыбнувшись, погладила ему руку.

- Да вознаградят тебя боги за сочувствие ко мне, добрый Квинт. Три года я уже здесь, и мне здесь так же приятно жить, как дома. Хозяйка и её муж относятся ко мне очень хорошо, прямо как к дочери.

Слёзы у неё высохли, и она улыбалась.

- Можно за тебя, красотка, только порадоваться. Как это у Мелеагра Гадарского? – он чуть помедлил, вспоминая, затем продекламировал:

Прелести дал Гиларии Эрот,
хариты – любезность;
Пафия с поясом ей власть
над сердцами дала.

- Bravo, добрый Квинт, – она захихикала. – Но имя в стихах не моё, а совершенно другое.

- Плутовка! Откуда ты знаешь?

Гораций попытался снова погладить её по ножке, но Гилария, ловко увернувшись, кокетливо отскочила.

- А вот и знаю. У моих родителей была большая библиотека, и я много-много всего перечитала. Особенно поэзии. А больше всех мне нравится Сапфо.

- Даже Сапфо? – с еле уловимой иронией спросил Гораций.

- Не хочешь верить, мой добрый Квинт, - чуть обиделась Гилария.

- Прочти, тогда поверю.

Она лукаво захихикала.

- Так слушай.

Твой приезд – мне отрада. К тебе в тоске
Я стремилась. Ты жадное сердце –
Благо, благо тебе! – мне любовью жжёшь.

- А вот и мой ответ, - сказал Гораций и с чувством произнёс:

- О Гилария, глаза твои – пламя:

Кинула взор – и зажгла,

раз прикоснулась – и твой!

Девушка, чуть зардевшись и потупив взгляд, продекламировала:

- Словно ветер, с горы на дубы налетающий,
Эрос души потряс нам.

Гораций допил остаток вина и, протягивая канфар девушке, сказал с искренним восхищением:

- Ты изумительна, милая Гилария. Ты – чудо чудное, диво дивное. Ты заморозила меня, ты мне радуешь сердце. Отнеси канфар и возвращайся.

Он прижал правую руку к левой стороне груди, немного наклонился вперёд и сказал хриплым шёпотом:

- Вспомни, милая Гилария, божественную Сапфо!

Эрос меня мучит истомчивый –

Горько-сладостный, необоримый змей.

Девушка быстро взглянула на Горация из-под опущенных ресниц и капризно-кокетливо спросила:

- А ждать ты меня будешь?

- Непременно. С нетерпением!

Она довольно засмеялась и, подняв руки, слегка пританцовывая, направилась к двери, сопровождая движения стихами:

- Мне сердце страсть крушит;

Чары томят

Киприды нежной.

У двери она приостановилась, бросила, обернувшись, через плечо лукавый взгляд, хихикнула и исчезла. Гораций, как будто околдованный, некоторое время ещё смотрел ей вслед, затем встал, снял тунику, небрежно бросив её поверх тоги на табурет, улёгся на ложе и укрылся одеялом.

Он лежал на спине, смежив веки. Выпитое вино погружало в лёгкую дрему; его будто укачивало на тёплых мягких волнах. Приятное обволакивающее состояние... Шорох, ещё шорох... Шёпот... Словно листья шелестят...

- Молчи... Не открывай глаз...

И снова шорохи, шорохи, шорохи... Какое-то колыхание... Опять шорохи, шорохи... Опять шелестение листьев...

Вдруг – резкая боль в плече. Как укол иголкой!

- А?

Но в спальне, кроме него, не было никого.

Гораций встал, зевнул, дважды энергично прогнулся назад и, не торопясь, надел тунику и башмаки; затем прошёлся по спальне, вспоминая вчерашний вечер.

Так и не пришла, плутовка. Он грустно улыбнулся. У греков есть поговорка: обещание женщин – надпись на воде. А ещё лучше сказал Катулл: «Я на воде черчу все клятвы женские!» Ах, эти женщины! Обольстительные, кокетливые, капризные...

Гораций покинул спальню, миновал несколько коридоров и вышел через заднюю дверь во двор. Лучи ещё не вставшего солнца золотили редкие облачка. Наступил новый день. Что он сулит?

От автора.

Рассказ «Любовное приключение Горация» основан на реальном событии и входит в повесть «Путешествие Горация». Стихи в рассказе приводятся в переводах Д. Дашкова, Я. Голосовкера, Л. Блуменау, В. Версаева и Вяч. Иванова.

Александр ЗОРЬКИН

КОМАР

Комар летит, последний, самый звонкий.
Комар устал, он сам себе не мил.
Жужжание тяжёлых перепонок –
По августу ушедшему помин.

Комар летит. Под ним росы останки.
Комар летит. А тут ещё река,
А тут ещё на жёлтенькой тачанке
Рванулся ветер из березняка.

Скрипят стволы, как погнутые оси...
Комар исчез.

Нет, он не стал хитрей.
Он просто знает, где зимует осень.
Он сам всегда зимует вместе с ней.

ОСЕНЬЮ

Мы всё брюзжим:

То сквер по горлышко в воде,
То мёрзлый лист в газон вопьётся.
Как будто летом нет дождей,
Весной, как будто нет морозца.

А осень движется, сильна.
А мы брюзжим и зло, и плоско.
Вот точно так и на слона
Их подворотни брешет Моська.

Да, и вообще природа –
стан,
В котором мы, во всяком разе,
Толпа капризных басурман.
А что не так?

Кто не согласен?

А можно в полуночной ступе
Чаёвные байки толочь.
А можно и, бровки насупив,
Из тёплышка выбежать в ночь.

Там тени морозные юрки,
Там, может быть, дымной рукой
Подарит на память бабулька
Нам
млечную брошку с луной.

О, СВЕТ-ФЕОДОСИЯ!

Осенняя ласка на ласковом море,
Как жёлтенький бархат на бархате синем.
А пляж полудикий раскинулся щедро
Для нежных русалок и сытых нептунов.
И голос гортанный плутает по пляжу.
Да, вот он –

иссушенный свет-татарчонок
Корзинкой качнул мне у самого носа:
- Прошу, вас – самоса.
- Самоса?
- Самоса!

И что за диковина? Пробую – сила!
Медовое яблоко, персик медовый
С лимонной гримаской томятся призывно
В хрустящем конверте из терпкого теста.
А дальше всё просто, а дальше всё дивно.
А дальше, как счастье для счастья я принял
На щедром подносе, песчаном подносе
И осень, и море, и сладость самосы.

Когда это было? А было ли? Было.
И ласковой тенью та самая осень
Опять дотянулась до самой Калуги!
И что за причина?

Но явственно вижу,
Сквозь шалый, калужский декабрь я вижу:
И свет-Феодосию, свет-татарчонка,
И как на заснеженный бархат мороза
Ложится гортанною сладостью самоса.
- Само-о-са...

Татьяна ЕФАНОВА

* * *

Я пытаюсь опять... не летать, пока просто взлететь.
Но не знаю, поднимут ли в небо разбитые крылья.
Ночью криком кричу от тоски по тебе и бессилья, –
Это мне в наказание за то, что пыталась лететь

На огонь, прямо к солнцу, что верила свято в любовь,
В исцеленье её и спасение глаз твоих серых.
И за то, что пылала, не ведая правил и меры, –
Вот за то мои крылья и сердце растерзаны в кровь.

Я стараюсь опять... не любить, но огонь сохранить.
Тот, зажжённый тобой и ещё согревающий душу.
Не могу я отречься! Любовь невозможно разрушить.
Я на пальцах судьбы сохраню её яркую нить.

* * *

На Трабанте разбитом, стареньком
Я качу по дороге к осени.
Дома ждёт меня дочка-заинька,
А в глазах её – небо с просинью.

На крылечке с доской скрипучею –
Круглость яблок в корзине ивовой,
Самовар по такому случаю.
Свет из окон вечерний, сливовый.

Терпкий чай с поволокой сизою.
Разговоры тихие шёпотом.
Звёзды – хоть вот сейчас нанизывай!..
Только дело-то к ночи, хлопотно.

Чу! Стрекочет сверчок за печкою
Колыбельную песню осени.
Ночь ложится дорогой Млечною,
Длинной-длинной, белесой, с просинью.

* * *

Осень. Пишите письма единственному Ему!
Берите гитару и в песне с жаром рвите струны!
Плача, слова глотая, признайтесь во всем одному, –
Сегодня осень. Сегодня праздник в вашем доме!

Осень. Пора влюбляться. Пора встречать и любить.
Пора целовать, целоваться. И не мечтать, а быть!
Пить жизнь как бокал с испанским, со вкусом смакуя дни,
Улыбкой встречая утро и поздней ночи огни.

Ярки осени краски, и жарки объятья рук!
Осень. Готовы тетрадки для стихотворных мук.
Яблочным духом пропитан тёплого дома уют...
Осень – пора доверья, открытых дверей, где ждут.

* * *

Опять весна. И имя ей – любовь.
О, если б знать, что это будет длиться!
Что будут окружающие лица
Делиться только радостью. И вновь

Запросится душа моя в полёт.
Она ведь от рождения крылата.
И голос в телефоне не соврёт:
«Любить тебя – сладчайшая расплата».

О, если б знать, что это будет длиться...

* * *

А закат всё такой же – розовый...
Что с того, что я без тебя?
Разве мы виноваты, что грозами
Стали первые дни октября.

Небо плачет. Дожди по линии
На полоски и на куски
Чертят жизнь, что вдруг разом вылиняла
От безмерной в душе тоски.

* * *

Не любишь? Ну, правильно, это была лишь игра,
Где древним законом обмана расписаны роли:
Её соблазняя, наврёт он ей с три короба, –
Поверит не сразу, но... глупая женская доля!

Вдруг сердце забьётся в груди: это он, это он!
И каждый день с мыслью о нём станет щедрой наградой.
И каждая встреча волшебным покажется сном.
И письма читать его будет, как дурочка, рада.

Ему же вдруг скоро наскучит вся эта возня.
Разлуки и встречи, и нежность рифмованных строчек.
Как быстро угасли в душе его искры огня...
Причины недолго искать – в отношениях точка.

Я повесть о нас словно плёнку в душе проявлю.
Как видишь, мой милый, сюжет этот вовсе не новый.
Не любишь? – Что делать? А я, представляешь, люблю.
Ты снишься мне ночью. Я жду тебя снова и снова.

* * *

Налей мне чаю. Пусть моя рука
Покоится в твоей. Пусть это значит,
Родство и близость двух уставших душ,
Нашедших вдруг приют за чашкой чая.

И пусть течёт неспешно разговор:
Так, ни о чём, иль может быть о многом.
И пусть я знаю – в этот вечер я
Царю одна в душе твоей и мыслях.

Я думать не хочу, и ты не думай,
О том, что вечеру придет конец.
За дверь сторожит уже разлука
Печальною невестою дорог.

Что делать? Всё кончается когда-то.
Но так тепла моя рука в твоей.
И чай не выпит и ещё горяч.
И вьётся слов узор. И души близко.

* * *

Пьяный март... Он четвёртые сутки не брит.
И простуженный голос надрывно сипит,
Ощетинилось горло ежом и болит,
Но зато – половодие чувств!

Знает он, что такое любовь и тоска,
И как близко, бывает, плывут облака,
Когда нежности дарит и ласки рука,
А уста ищут трепета уст.

Он готов подарить это всем! Он готов
Дирижировать сводным оркестром котов,
Что на крышах кричат тысячью голосов,
Почести воздавая весне.

Март – бродяга, март – принц! Он лишает нас сна.
В сердце – лужицы, в сердце бушует весна.
Он – безумец и с лёгкостью сводит с ума,
Кружит голову не только мне.

Он – бродяга четвёртые сутки не брит,
Он стихи сочиняет, ночами не спит.
И в глаза его солнце влюблённо глядит.
И так близко плывут облака...

Татьяна САВКИНА

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

* * *

Я никогда не являлась на этот свет. Не жила. Я – иллюзия.
Мой фантом держит в руке перо, царапает мёртвые строки
и безглазыми глазницами смотрит в сияющий мир... Через
замочную скважину.

* * *

Я – случайность. Моё имя – Ничто. Распадаюсь на
россыпь безличий в сгустке идентичности. В потоке парадоксов.

* * *

Точка времени превращается в многоточие. Многоточие
кровоточит мертвенной бледностью моего лица, до судорог
перекашивая рот в безмолвном крике: я мертва? Я – живу! Я
была! Я – буду?

* * *

Я реалья не идеального мира. Гармоничная органика. Моё
состояние – противоположность себя в себе. С рождения
стремлюсь в Вечность. Считаю, что живу, падаю, падаю,
падаю... ввысь. Или обрушиваюсь в морок небытия. Время
истекает. За пределами мгновения меня нет.

* * *

Я Божье творенье и адская тварь. Блик Неба и чёрная
хмарь. Я твой близнец сиамский. Возьми топор. Мысль дальше
не имеет смысла...

Спроси себя: кто ты? Ответь, кто те, вокруг? И захлебнись
мечтой, когда познаешь суть...

* * *

Моя реальность – сполох сознания – ужасна и пугающе прекрасна. Сгораю – многосложная натура, улыбчивая дура – рожая рифмы. И режу душу в кровь о рифы слов.

* * *

Сколько в мире тишины... Средь могил. Тишина во мне. Белым саваном объята – чёрным снегом, чёрным сном... Песнь пою Луне в образе ином.

* * *

Ажурная вязь мыслей постепенно превращается в грязь. Загадка для вас? Для меня нет. Об лоб расшибаю икону, молясь. У меня нет времени: прошлого, будущего. Я есть сей час. Существую в противоречиях. Меня нет во времени.

* * *

Я мертва. Здесь, на Земле, меня поглотила Вселенная... Но пустота среди звёзд возвращает к жизни. Это неверно, что там ничего нет. Там есть Мир. Там есть Мы.

Ирина СУЛИМОВА

У ДОНА

В.П. Выпову

Встретил казачку с полными вёдрами
Я, подъезжая к реке.
Что же ты, милая, брови нахмурила?
Сжал я уздечку в руке.

Глаз не поднимешь, не улыбнёшься...
Я ли казак не лихой?
- Здравствуй, красавица, дай мне напиться
Вдоволь твоею водой.

- Дон полноводный. Река – недалече,
И берега не круты...
- Мне понимать, что не рада ты встрече?
Иль тебе жалко воды?

- Да недосуг мне с полными вёдрами
Здесь на дороге стоять.
А побыстрее идти – не получится,
Воду боюсь расплескать.

Мы поднялись на зелёный пригорок,
Конь шёл за мной поводу...
- Как тебя звать-то? – Зачем тебе имя?
- Свататься завтра приду!

После тех слов она мне улыбнулась,
Тихо коснулась лица.
Только теперь я заметил на пальце
Тоненький след от кольца.

И поскакал я прочь по дороге,
Мельком взглянув на село.
Вслед за казачкой с полными вёдрами
Что-то из жизни ушло...

* * *

Живи, Луганск,
Холодный снег зимы
Засыплет угли гибельных пожаров.
Снега тебя стянули, как бинты,
Став панацеей огненному жару.

Все имена мы в памяти храним –
За смерть которых вороги в ответе!
Живи, Луганск!
Ты будешь вечно жить –
На улицах вновь засмеются дети.

Ещё на перепутье та война.
Мы все о мире к Господу взываем.
Она придёт – ночная тешина,
Которую нарушат лишь трамваи.

Живи, Луганск,
Ты будешь вечно жить –
Весною зашумят деревьев кроны,
И можно будет снова выходить
Смотреть на город с каждого балкона...

* * *

Можно не верить и сомневаться,
Сможет ли снова Россия подняться?
Если опять, как косою скосили
Травы в полях – наши силы России.

Им не понять – мы же так нелогичны,
К голоду, гнёту, невзгодам – привычны.
Что испытания нас закаляют:
- Русские сущность свою не теряют.

* * *

Где-то в груди живёт
Глупый комочек-птенец.
Бьётся. Всего –лишь одно
Из миллионов сердец.

Мы не знакомы – только Ваше имя
И слово благодарности для Вас.
Мне не знакомы «благородные седины»
И лучики морщинок возле глаз...

Не знаю я, что любите и ждёте
Вы в этой жизни, обступившей нас.
...Весной душа находится в полёте
Под мартовской капели перепляс.

Душа сбегает с кончика пера,
Когда мы создаём свои стихи.
Читателю и слушателю – Вам –
Мы доверяем счастье и грехи.

Ненужность, невостребованность слов
Толкает, чтоб огонь души угас.
Она жива – вновь издан альманах!
Спасибо Вам, поверившему в нас.

ЖЕНА

В блеске Солнца теряются Луны,
Светят лишь отражённым светом.
Быть красивой, хозяйственной, умной,
Но – жить с Гением и Поэтом.

Не Её называли Музой.
Не Она на стихи вдохновляла,
Никогда не была обузой –
Просто рядом в тени стояла.

А у гениев – жизнь наотмашь,
И клубятся, как тучи, идеи!
Но вот в жизни они – «не очень»,
И не думают о Галатее...

Но ведь кто-то должен справляться
С длинной цепью преодолений!
...Рядом с Ней и уже под утро
Засыпает уставший Гений.

Светлана СОКОЛОВА

У ИСТОЧНИКА

Спускаюсь по каменистому крутому склону. Слышится журчанье воды, весёлые женские голоса, смех. Удары деревянных вальков напоминают дробь дятла в лесу. На мостках полным ходом идёт выколачивание стираного белья. У меня тоже целое коромысло этого добра. Осторожно пробираюсь по настилу на мосток. Смотрю вниз. Вода прозрачная, чётко видно дно. Скользко.

А тебе приходилось устраиваться поудобней и приступить к этой трудоёмкой работе? Нет? Я расскажу, как это происходит. Подбираю несколько тряпиц по цвету, длине, чтоб одинаковые были. Окунаю в воду, кладу на доску и, постоянно переворачивая, ударяю пральником, окрашенным сверху синей краской. Брызги летят, серебрятся, сверкают, попадают на одежду. Если ты в широком платье или юбке, то приходится постоянно их придерживать. Или просто связываешь подол сбоку на узел, чтобы не мешался и не намокал. А то хоть выжимай. Руки стынут поначалу. Ключевая вода холодна даже в тридцатиградусную жару! Полошу, отжимаю и укладываю готовое бельё на вымытое бревно, чтобы стекало.

Наглые утки подплывают совсем близко. Вдруг пахнуло сочным запахом земляники и зверобоя. Это по пути домой с полными кувшинами и корзинками подошли ягодники. Они умылись, утолили жажду студёной водой. Весёлым гамом прибежала местная и приезжая на лето детвора. Они резво плещутся водой на берегу, швыряют белые плоские камешки, которые так и скачут по прохладной глади.

Круглый год вокруг родников кипит жизнь. Бьют они из-под самой горы, собираясь в маленькое озерцо, из которого вытекает шустрый ручей и бежит через луга, впадая в местную речушку. Зимой в большие морозы над водой стоит пар. Окунёшь руки – не мёрзнут, наоборот, согреваются. Попробуй сам, почувствуй огненное прикосновение. Потом быстро надень варежки, обязательно вязанные из овечьей шерсти. Горячая влага словно проникает под кожу, в кровеносные сосуды, расходитя по всему телу.

Несколько лет назад благодаря настоятелю храма из соседнего села один из родников, обладающий целительной

силой, огородили дубовыми венцами, а рядом поставили часовенку. В православные праздники здесь проходят религиозные обряды.

Не помнят уже и старожилы подробностей той давней истории, что обросла разными домыслами, о том, как источник стал святым. Рассказывается о слепом старце, который жил вместе со своим псом-поводырем у того самого спуска, с которого я начала свой рассказ. Как-то раз, когда он побирался, один жестокий человек погнал старика со двора и убил собаку. Горемыка похоронил своего верного друга во дворе и поставил на могилке большой белый камень. А на том месте, откуда был взят этот известняк, вдруг забил родничок. Люди говорили, что это невыплаканные слёзы бедного старика, у которого и глаз-то не было, чтобы плакать. С тех пор стали происходить чудеса с теми, кто пил или умывался из источника. По округе разнеслась слава о его живительных свойствах. Со временем люди стали наделять его всё новыми и новыми целебными качествами. Но, сказывают, помогает он не всем, а только добрым людям и тем, кто искренне раскаялся в чём-то неблагоприятно содеянном.

Вот и я в который раз прикоснулась к этой полуправде-полубыли, заглянув в чистый источник человеческой мудрости. Мы в большинстве своём не стали другими, не стали лучше. Время меняет всё, а человеческие пороки остаются.

ПИСЬМО С ФРОНТА

А завтра в бой...
К чертям войну послать бы, лиходейку!
Затишье –
долгий миг перед грозой...
Потёртый карандаш,
Измятая тетрадь в линейку –
Письмо домой...

Мол, жив-здоров,
Что «фрицев» бьёт, с родной земли их гонит
И как «Катюши» мнут ряды врагов...
В неровных строчках лист,
Солдатом свёрнут в треугольник
Последних слов.

ИМ БЫ ЖИТЬ...

Вдоль «Долины Смерти» мраморные плиты...
Белая часовня – караульный пост.
Сколько же парнишек и мужчин убито
В тех боях у страшных, огневых высот!?

От родного дома до печальной тризны
Смертную война им наложила выть:
Молодым, здоровым, не вкусившим жизни,
Умным и красивым – только б жить да жить!

И покой, и память, разделив по-братски
Полегли навечно, заслонив страну.
Ржавые снаряды, воинские каски...
Горстка ветеранов – проклинать войну!

Красные знамёна, как в сороковые.
Залпы холостые... Стихли голоса...
Вздрагивая, плачут свечи восковые,
Птицы над крестами взвились в небеса.

В каждой русской хате фото у божницы
Не пришедших с фронта: мужа или отца...
Медальон солдатский, бугорок землицы –
Память о дорогах прадеда-бойца.

P.S. Окрестности, прилегающие к деревням Барсуки, Вышнее, Девятровка, а также поймы бывшей речки Лидии и Пополты называют «Долиной Смерти». Говорят, что эту местность так впервые назвал генерал Белов П.А., конницей которого в 1942 г. в этих местах был обеспечен проход через Варшавское шоссе для развития дальнейшего наступления на Вязьму. «Долина Смерти» - это напоминание о тех, кто навсегда остался в ней лежать после ожесточенных боев в январе-феврале 1942 года.

Ксения ЕФИМОВА

УТРО СОВЫ

Оскар - это Троянский конь с Золотым тельцом внутри.

Комната была наполнена тишиной, сумраком и тоской. Даже в окне единственным источником белого был туман, всё остальное было серым. В круговерти и суете жизни, конечно, тишина – дефицит. Она вожделенна. Но сегодня эта тишина была тоскливой и мертвенной. И несмотря на это звонить друзьям, что бы разделить с ними молчаливые думы, совсем не хотелось. Хотелось прирасти к креслу и, не двигаясь ни одним мускулом, застыть, исчезнуть, остановить время. Он так и сидел. Ни чувств, ни эмоций, а в голове всего одна единственная мысль: зачем? Зачем ему всё это? Зачем что-то нести людям, если от тебя самого уже ничего не осталось? Только сундук, набитый масками. Жаль, что не сказками. Лучше писать сказки, чем тратить себя на всю эту премиальную суету. Главное, как незаметно, благими намерениями, он ввязался во всё это. Как быстро опошрилились самые благородные цели. Как теперь давит на виски резинка от маски, как колет в самое сердце недоумение многих тысяч верящих ему, в него людей.

Кофе, стоящий на столике, давно смирился с тем, что про него забыли. Человек сидел, смотрел в окно невидящим взором, а там сумерки уже вытеснили тот немногий дневной свет, который был растворён в тумане.

- Или это последняя гонка за «золотыми статуэтками», или я сломаюсь, распродам себя по дешёвке, и от меня ничего не останется, я сам себя перестану уважать. Но хватит ли у меня сил? И где их взять?

Человек подошёл к комоду. Над ним на стене висели грамоты, награды, а на самом комоду стояло несколько тех самых «золотых статуэток». Конечно, они были не только золотыми. Отчего-то стало тошно и противно на всё это смотреть. Рука даже дёрнулась их скинуть на пол, но не хотелось шума, мама бы обязательно пришла на шум, а ненужные объяснения ни к чему, и расстраивать её тоже желания не было.

Человек выдвинул одну из полок комода. Там лежали подарки и письма от поклонников, хотя нет, поклонниц, в

основном. Конечно, письма были далеко не все, иначе бы пришлось завести огромный ангар-гараж только под одни письма. Он взял некоторые из них. Все они были перечитаны им по несколько раз. Не все поклонницы – непроходимые дуры с либидо вселенских масштабов, есть и весьма умные, наблюдательные и тонко чувствующие. Именно перед такими было стыдно сегодня за весь спектакль и охоту за пустыми наградами. Он сел в кресло и опять стал читать. И ему стало легче, он поверил, что сможет преодолеть следующее искушение медными трубами и золотом. Прочитав последнее письмо, он выключил свет и подошёл к окну. Через дорогу, в доме напротив, было кафе с уличной террасой. Свет его фонарей делал этот отрезок улицы особенно уютным. Хотя для многих эта улица была уютна и без кафе, а только благодаря наличию его дома и его самого. В этом кафе, на террасе, всегда кто-нибудь сидел до самого закрытия. Это всегда раздражало. Было ощущение, что за тобой станут следить даже глубокой ночью. Но сейчас он смотрел туда с совершенно другими ощущениями. Сейчас он чувствовал в присутствии двух девушек какую-то незримую поддержку. Хорошо, что они не просто сидели за своими столиками и пялились в окна и на калитку, а что-то рассматривали, какие-то листы бумаги на столе, а потом они достали флейты. Человек открыл тихонько окно, чтобы неловким звуком не нарушить то, что там происходило, и стал ждать. О чём они говорили, было не понятно, хотя и отчётливо слышно. Из всей речи отчётливо выделялись только музыкальные термины. Они явно приезжие, говорят не на английском. И вот звуки двух флейт смахнули вечернюю мглу, прогнали мёртвую тишину из комнаты и наполнили сердце одного человека совершенно новым дыханием жизни. А за дверью послышались тихие шаги. Это мама. Она ещё через дверь различила музыку и стучать не стала, и только запах ужина бесцеремонно прошёл через щель под дверью. Но человек не обратил на него внимания. Потому что это был момент поважнее горячего ужина.

НЕМНОГО БЕЛОГО

Вся земля, словно дочь рыбака,
Рыболовную сетью прикрытая,
Будто сирая, всеми забытая,
Смотрит в серые облака.

А в ответ тишина и тоска,
И молчание, и равнодушие,
И земля, вся смиренная, слушает
Как молчат в ответ облака.

Проминается сеть под ногой,
И слипается белое с грязью,
И ботинок, начищенный мазью,
Спорит с первою снежной пургой.

СЛЁЗЫ АЛЬБИОНА

Сурово небо и не благосклонно,
И хмурит брови в серой пелене,
И днём, и утром не живо и сонно
Готовит горечь пробужденья мне.

Туманным Альбионом смотрит в окна
Старик-ноябрь с самых первых дней.
И все, и всё насквозь, насквозь промокло,
Идти за чаем с сушками скорей.

Ах, Альбион, увы, не настоящий,
Лишь образ ты в сознании моём,
Лишь тень и дым, под одеялом спящий.
Вот так мы с одиночеством поём.

Но надо встать и сделаться машиной
Набитой пылью множества одежд,
А небосвод обрушился лавиной,
Потоком всех несбывшихся надежд.

ЭДУАРД МЕЛЕВСКИЙ

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

Мне шепчут боги: не узнаешь рая,
Познаешь муки ада, сердца дрожь,
Пойдёшь за нею – потеряешь радость,
Покой утратишь, счастья не найдёшь!
Пойдёшь за нею – встретишь неудачу,
Да и врагов, в придачу, наживёшь.
Пойдёшь за нею – горечью заплатишь,
Да будет поздно, после сам поймёшь...
Мне шепчут люди, вроде бы, не злые,
Печально опуская долу взгляд:
Пойдёшь за нею – проклянут родные,
Да и чужие не благословят.
«Пойдёшь за нею, - молвит друг-товарищ, -
Считай, что дружбы нашей не вернёшь,
Пойдёшь за нею – каши с ней не сваришь,
А просто с голодухи пропадёшь!
Пойдёшь за ней – жизнь станет безотрадной,
Пойдёшь за ней – себе же на беду...»
И я пошёл за нею безоглядно,
И по сей день, хоть каюсь, а иду!

ЛЮБЛЮ ЛИ Я?

Люблю ли я? Теперь уже не знаю,
Но так порою хочется обнять,
Прижать к себе и прошептать: «Скучаю!»
Я и не знал, что можно так скучать.
Наверное, мне просто одиноко,
Меня пугает эта пустота,
Но, всё же, женщин в мире много,
А вот обнять мне хочется тебя.
Обнять и так стоять, не отпуская –
Для счастья много ль нужно дураку?
Наверное, раз сильно так скучаю,
То где-то в сердце всё-таки.....!

Наталья ЭЙКИНА

БЛАГИЕ ДНИ

Кому-то это уже известно, для кого-то прочитанное будет, как чёрный ящик за семью печатями. Но мне очень захотелось поделиться своими впечатлениями. Они повторяются из года в год. Однажды случившись – могло и показаться. Когда два или три раза происходит одно и то же, трудно удержаться от убеждения, что эти чувства и мысли не случайны. Они, действительно, повторяются который год на Святках, в эти святые дни от Рождества Христова до Крещения. Сам воздух напоён радостью великой о рождении Богомладенца. Ангелы поют Вифлиемским пастухам и возвещают: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» (Евангелие от Луки. гл.2)

Дышу этим воздухом, и душа себя чувствует как-то иначе, добрее, что ли, чище, возвышенной. Да и здоровье балует, и дух, как кажется, крепок. Всё кажется чистым и нежным, как снег, только что выпавший. Крепким и бодрым от дуновения морозных превращений на стёклах окон. Вся жизнь наполняется в эти дни особым смыслом. Видимо, благодать Божия сошла на землю в эти святые дни. Не по нашим молитвам, а по особой Любви Его к нам. Она даёт возможность душе надыхаться и освятиться, от того душа ясна и понятна для самой себя. До чего же они благи! Примириться, помириться хочется со всеми. Навсегда. Раз и навсегда.

Человеку и невдомёк, что на самом деле происходит. В своём повреждённом состоянии не может он чувствовать высоко и чисто. Но в эти святочные дни душа как-то по особенному чувствует близость Божию. Вроде всё как всегда: заканчивается пост, сочельник, до первой звезды кто силён, не вкушает пищи. Потом светлый, радостный праздник Рождества! Младенец с Матерью – разве может быть что-либо чище и возвышенной этого вИдения. Звёзды над Вифлиемом повисли так низко, словно ступеньки небесной лестницы опустились на землю, и по ним спустился Бог.

Вот и радость! Вот и чудо! А за всем этим стоит Любовь! Ею дышишь, видишь и чувствуешь её отражения. На сердце так тихо, мирно и радостно. И так до Крещения. Хочется запомнить эти волшебные, восхитительные дни, чтобы

воспоминания согревали и бодрили меня в течение всего года.
Благие дни – Святки!

Если бы не так явны и не так впечатлительны были все мои ощущения, то я вряд ли стала бы делиться ими. Но поверьте, чудеса случаются, происходят не где-то там в третьем измерении, а именно здесь, у нас дома. Их чувствуешь, видишь и слышишь. А главное – веришь.

* * *

Когда б считали мы года,
И становились бы мудрее,
То научились бы тогда
Жить счастливо и быть добрее.

Когда б считали только дни,
То становились бы богаче,
Щедрее быть душой могли,
И бережливей – не иначе.

Когда б минутам счёт настал,
То жизнь сложилась во мгновенье
В тот алмазный кристалл,
И засверкала в отраженье

Прожитых дней, годов и лет,
В делах, словах и даже в чувствах,
И всем открылся бы секрет –
Зачем нам жизнь дана искусно?..

Кто дал часам тот тайный бег,
Что так идут неумолимо...
И получили бы ответ,
Что всё в любви неизъяснимо.

И не всегда здесь важен счёт, –
В любви нет времени, пространства,
Для тех, кто дышит и живёт
Лишь ею – в этом постоянство.

* * *

Как часто мне встречаются
всё те же знакомые двадцать лет,
иначе одетые, в чём-то иные –
молодые, красивые, классные
чужие двадцать лет.
Свободные, знакомые до боли,
у них вся жизнь впереди –
здоровые и сильные, всё те же
двадцать лет!

Как хочется их окликнуть и сказать:
- Вы очень торопитесь жить,
как сильно вы заблуждаетесь,
вас также ожидает и старость, и болезни!
Но разве они услышат?!

Как хочется им сказать:
- Не торопитесь проходить мимо,
мимо самих себя!
Ваше будущее идёт с вами рядом,
а вы думаете, что это пережитки прошлого.
Не страшно ошибиться, страшно не понять,
не принять и не посочувствовать,
страшно пройти мимо...

P.S. Если бы мне кто-нибудь в мои двадцать лет сказал об этом, я бы не поняла, о чём мне пытаются сказать. Это тоже прозвучало бы мимо меня...

Сергей БАРУТ-ФИШЕР

СОБАКА

Собака перебегала дорогу по всем правилам: на пешеходном переходе и на зелёный сигнал светофора. Вот только чуть-чуть спасовала перед орущей оравой – человек двенадцать молодых парней и девушек, несущихся навстречу. Заметалась и рванулась в сторону, как раз под бампер лихо тормознувшей у самой кромки перехода иномарки... Удар получился сильный: бедную псину подбросило вверх и швырнуло на тротуар, под ноги спешащим по своим делам прохожим. Послышались крики, женский визг, возмущённые голоса мужчин. Один – его больше всех обрызгало слякотной жижей – с криком: «Ты что ж творишь, гад?!», кинулся к иномарке, но светофор, мигнув, включил «зелёный», и иномарка, в визге покрышек, рванула прочь от места происшествия...

Собака лежала точно посреди тротуара, в самой слякоти, часто и прерывисто дыша. Глаза её были закрыты, она не скулила и не двигалась. Люди стали потихоньку приходиться в себя. Кто-то, повозмущавшись: «Развелось их (водителей) на нашу голову! Ездить, блин, не умеют, а туда же!..», продолжил свой путь. Кто-то (например, сильно обрызганный пешеход) принялся звонить в ГАИ: «Нет, я так этого не оставлю! Мне всю одежду в чистку нести! Пусть, гад, оплачивает!» Но тут выяснилось, что никто не сумел запомнить номер иномарки, и пыл негодования постепенно угас и удалился вместе с самим пострадавшим... Кто-то, потоптавшись и повздыхав, сделал вид, что ничего не случилось: «Подумаешь, собака бродячая... Тут, вон, людям житься нетути! А то – собака! Чего ей будет-то?.. Оклемается, как миленькая!» И, на всякий случай – мало ли!.. – перешёл на противоположную сторону... Возле собаки осталось человек шесть. Четыре женщины, двое мужчин. Люди стояли молча возле лежащей собаки и только сочувственно вздыхали... Один из мужчин (Тот, Что Постарше) присел на корточки и гладил собачью морду, пытаясь понять, вернее – почувствовать, что у собаки повреждено. Молодая Женщина (лет тридцати, не больше, кстати, больше всех пострадавшая: собака, отлетев от удара, сбила её с ног, хорошо, какой-то парень сумел её удержать от падения) то приседала возле собаки и гладила её по голове возле ушей, то вскакивала и обращалась к стоящим:

- Люди, ну сделайте что-нибудь! Что ж, она так и будет тут лежать?

Люди смущённо переминались с ноги на ногу и молчали. Женщина опять приседала возле собаки и обращалась к мужчине на корточках:

- Ну что с ней?.. Она недохнет?..

- Не знаю... Скорее всего – нет, недохнет, но врач ей нужен...

- Люди, ну вызовите же врача!..

- Может, ей скорую вызвать? – этот вопрос задала Дама Средних Лет, в добротном кожаном пальто: возле собаки постепенно собирался народ.

- Нет, лучше МЧС.

- Ага, так они и поедут!

- Поедут...

- Люди, ну сделайте что-нибудь!

- Подождите... - Мужчина перестал гладить собаку и выпрямился. – Давайте её с прохода уберём.

- Куда?

- Да вот, к стеночке... - Женщина В Пальто повернулась к двум молодым парням. - А ну-ка, помогите! Чего уставились!?

- Да мы чё...

- А чё делать-то?

- Вот помогите товарищу! Собаку к стенке надо...

- Ага! И это... Расстрелять! – изрядно подпитый гражданин – классический образец бомжа – возник из-за спин собравшихся. Даму В Пальто передёрнуло:

- Я те расстреляю! Я тя самого, гада, урою! Да я!..

- Мамаш, ты чё!.. Я ж, того, пошутил...

- Я те пошучу! А ну, тащи собаку!

Дама В Пальто пошла на бомжа, как на амбразуру дота. Тот от неожиданности попятился, поскользнулся и сел в слякоть рядом с собакой:

- Э...Э!.. Я же того... Я же не это...

- Тише вы, успокойтесь! – Мужчина, Тот Что Постарше, встал между бомжем и Дамой В Пальто. – Подождите. Я тут с клиникой связался, через час их машина подойдёт...

- Ну вот, а я уже скорую вызвала...

- Какую скорую?..

- Обычную... Ноль три...

- Эта... Чего делать-то? – Бомж поднялся на ноги. – Собаку-то куда?

- Давайте её вот сюда перенесём... - Тот, Что Постарше указал на выемку в стене дома и опять присел рядом с собакой.

- Ну, потерпи, моя хорошая...

- Стойте, подождите!.. Вот тут фанера... Давайте её на

фанеру положим... - Молодая Женщина пыталась вытащить из-за низкого заборчика кусок фанеры. Двое парней ловко перемахнули через забор, вытащили фанеру и положили её рядом с собакой. Бомж и Пожилый Мужчина В Очках, только что подошедший, аккуратно переместили собаку на фанеру и перенесли её к выемке с середины тротуара. В это время подъехала Скорая. Врач, весь в синем, решительно раздвинул собравшихся и подошёл к собаке:

- Так, что тут у нас? Где пострадавший? – внимательно оглядел всех и остановил свой взгляд на бомже. – Этот, что ли?

Бомж весь как-то сжался, втянул голову в плечи и стал пятиться, пытаясь спрятаться за спины собравшихся.

- Нет, нет! Это я машину вызвала... - Дама Средних Лет вышла несколько вперёд. – Тут, видите ли, собака...

- Какая собака? – Врач был слегка ошарашен.

- Ну, я не знаю... Вот... - Дама Средних Лет кивнула в сторону ниши. Врач повернулся и увидел собаку.

- Вы что, с ума походили!? Да я людей вожу, а не собак! У вас что, с головой плохо?!

- Но вы же – врач!..

- Я собаку не повезу!

- Но посмотреть-то можете...

- Что!.. Да вы!.. Да я!.. – от негодования у Врача затряслись губы. – Да это же чёрт знает что!.. Дурдом какой-то!.. – Резко повернувшись, Врач пошёл к машине. – Володь, поехали! Ну их всех!..

- Что, получила?! Я тебе говорил!... – встрял добротню упакованный в кожу мужчина с холёным и надменным лицом. – Нет, всё по-своему, по-своему!..

- Но они же – врачи...

- Но не ветеринары!.. Ладно, пошли отсюда...

- Подожди, может, помочь чем?..

- Ты уже помогла!..

- А вот и помогла! – Дама Средних Лет вызывающе глянула на Добротного, хмыкнула и повернулась к Тому, Что Постарше. – Спасибо вам... Вы не переживайте, они ведь действительно людей возят... Ваша-то машина когда подойдёт?

- Через час...

- А почему так долго? – Молодая Женщина подняла глаза на Того, Что Постарше, опять присевшего возле собаки.

- Водитель на выезде. Пока вернётся, пока сюда доедет...

- А может, такси вызвать?

- А что, верно! И ждать не надо...

- Да, а платить кто будет? Пушкин?

- А мы скинемся! Как, люди, поддержите? Кто сколько может?

Собравшиеся одобрительно зашумели. Дама Средних Лет вытащила кошелек, извлекла из него пятисотенную купюру:

- Вот. Это от меня. Давайте!..

- Это чё, так много?!

- Да нет, кто сколько может...

- А вы что думаете, лечение бесплатное? – Дама Средних Лет повысила голос. - А лекарства ничего не стоят?

- Верно! Как-то я не того... Вот, держите...

- Возьмите ещё...

- И у меня...

Со всех сторон к Даме Средних Лет потянулись руки с купюрами. Та их принимала и аккуратно складывала в пачку. В это время возле собравшихся остановилось такси, из которого выскочила молодая девушка. Она ловко проскользнула сквозь толпу собравшихся, подошла к Тому, Что Постарше:

- Здравствуйте! Что тут у вас?

- Да вот, Верочка, тут пострадавшая в ДТП...

- Ага...- Верочка присела рядом, ошупала собаку, покачала головой. - Да, ушиб сильный... Вы всё правильно определили... И что переломов нет...

- Простите, а вы, собственно, кто? – Дама Средних Лет откровенно разглядывала Верочку.

- А это владелица ветеринарной клиники Вера Сергеевна...- Тот, Что Постарше встал рядом.

- Надо же, такая молодая... Но всё равно... Мы тут деньги собрали. Кому их?

- Вере Сергеевне отдайте. И вот от меня возьмите...

Вера Сергеевна взяла пачку денег, повертела их в руках:

- А сколько тут? У нас сутки двести рублей стоят...

- Ну, вместе с теми, что товарищ дал, пять тысяч получается ровно... Этого хватит?

- Вполне. Давайте собаку в такси погрузим, да я поеду.

- А Вадим где?

- Он ещё не вернулся...

- Простите, а что с собакой потом будет? – Молодая Женщина вопросительно посмотрела на Того, Что Постарше. – Как с ней дальше-то быть?

- Вылечим и будем искать хозяина. На ней – ошейник, значит, не бродячая...

- А если не найдёте? Тогда как?

- Ну...

- А можно, я её себе возьму, если не найдёте?

- Можно. Вере Сергеевне телефон свой оставьте... Ну всё, нам пора. Ребята, помогите собаку в такси погрузить...

Анастасия ДОНСКИХ

СОЧЕЛЬНИК

Запах дыма и снега, канун Рождества...
Отчего так легко и свободно
Для меня прозвучат, как впервые, слова:
«Наш Спаситель родился сегодня!»?

Вновь весну и надежду, как прежде, пророчь
Мне, хорала знакомая тема!
Белой бабочкой тихо спускается в ночь
Не снежинка – звезда Вифлеема.

...Отпустив тонкий полог недолгого сна,
Распахнув в звонкий холод ресницы,
Я невольно шепну, отходя от окна:
- Неужель Он сегодня родился?

* * *

За Окою меж стволов не по-летнему светло –
Словно в горнице на Троицу;
Пусть покуда так легка непокорная река –
Скоро льдами успокоится...

За Окою меж стволов то ли синее стекло –
Тронешь, благовестом вызвонит, –
То ли васильковый плат, чистый, как влюблённый взгляд,
По небесной кромке выстелен.

За Окою меж стволов я, как в детстве, посолонь
Убегу тропой в нездешнее
И у сосен на юру, изумлённая, замру,
Будто только что прозревшая.

За Окою меж стволов станет всё белым-бело,
Словно лист, пера не знающий,
Но следов наивных вязь, тонкой наледью змеясь,
До весны найдёт пристанище.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛАСТОЧКА

Там, где накануне бил родник вина –
Пел в цвету шиповник, зелен и багрян, –
Зыбкою завесой встала тишина –
Шёлком паутинок вышитый туман.

Вызолотит август северную Русь,
Опустеют гнёзда в ладанках застрех...
На прощанье ставня я крылом коснусь –
И помчусь за солнцем, обгоняя снег.

... Сфинкс застыл на страже царственных могил,
Дни скользят по камню, знойны и легки,
Только не заменит мне могучий Нил
Волн неторопливых ласковой Оки.

И как только грянет первая гроза,
Изогнётся небо радужным мостом,
Мокрой и счастливой, я примчусь назад,
Наполняя звоном свой продрогший дом.

* * *

Вьются роем белые пчёлы –
Целый сонм холодных невест –
И звенят, и поют о чём-то,
И несут нездешнюю весть.

А когда снега заалеют
В стылых сумерках декабря,
С туч спускается королева,
Что прозрачнее янтаря.

Горе дерзко неосторожным,
Кто от тёплой земли устав,
Очарован снежною ложью,
Ей подставит свои уста!

Холод тонко уколет сердце,
В острый лёд его превратив, –
И уже нигде не согреться,
И покоя не обрести,

И пойдёшь за нею, тоскуя,
Неизбежно зовом влеком,
Чтобы лёд её поцелуя
Вновь коснулся сердца огнём.

* * *

Эти витражи ветвей
Словно вылиты из снега,
В раме их ещё ясней,
Звонче выстывшее небо;

Но над миром из стекла
Так таинственно и странно
Распростёр свои крыла
Вечный крест четырёхгранный.

Там, в немеркнувшей весне,
Устремив в ненастье очи,
В белоснежной тишине
Смотрит в душу MadreDolce

Всем, кому её покров
Дан, неизречённой властью
Приобщив через любовь
К тайне первого причастья.

Воссияла в холода,
Преисполненная ласки,
Вифлеемская звезда
Обещаньем скорой Пасхи.

Геннадий ЭЙКИН

* * *

Не нашёл обетованной
Я земли в чужом краю,
Я тоскую по желанной,
Той, которую люблю,
И её, надеюсь, знаю,
И она не держит зла
На меня, на шалопая,
И на все мои дела.

А ещё я замечаю,
Что по времени тоска,
Где мальчишкой знал, играя,
Все укромные места,
Где в фантазии высокой
Вдаль летел за сотни лет;
За крапивой и осокой
Был мой личный кабинет.

Заходили лишь лягушки,
Да кузнечик забегал.
Отложив свои игрушки,
Я по времени летал.
Мне б уткнуться как в подушку,
В перелесок над прудом,
Я оставил там игрушку,
Где стоит родимый дом.

И тоска по ней так гложет,
И туда меня ведёт,
Через тысячи дорожек,
Через время, что не ждёт.
И шагнув через опушку,
Всё же я туда приду
И любимую игрушку
Я нетронутой найду.

* * *

Вы скажите, просветите,
Отчего восход так ал?
Чист, рождённый в звёздной свите,
Солнца огненный овал.

И попробуйте, ответьте,
Почему закат горит,
Почему на свете дети,
За которых мы в ответе,
Видят путь, что нам закрыт.

Ночью мысли в пот бросают,
А к утру простыл и след,
Что порою нас пугает,
Ну, а чаще просто нет.

Взгляд пустой и след от мысли,
Не догнать нам, не понять,
Отчего роняют листья,
Отчего тоска от истин,
Отчего дрожь не унять.

Эти мысли прозвучали,
Словно колокол вдали,
Нет тоски здесь и печали,
Размышления одни.

Размышлять – удел не странный,
Странно жить, не замечать,
Что волнует нас незвано,
Что влечёт непостоянно,
Жизнь дана, чтоб это знать.

ЖАННА БАБИНА

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ЗАЩИТА

После преддипломной практики и недельного отдыха дома Аннушка возвратилась в Ленинград в середине октября.

Был на редкость для этой поры погожий день. Любимый город купался в синеве неба, солнечных лучах, золоте листвы и куполов, венчающих знаменитые питерские сооружения.

Первым в общежитии встретился Слава, однокурсник, который проходил практику, как и она, в Кургане.

- Почему ты не сообщила о дате приезда? Я бы тебя встретил! – сразил он её заботливым вопросом.

Аннушка от удивления не знала, что и ответить. Она, мягко говоря, не жаловала Славу вниманием и ничем ему не была обязана.

Первый на курсе модник и ловелас, яркой внешности, статный, самоуверенный, в продолжение всей практики изводил Аннушку насмешками, колкостями, часто доводил до слёз. И почему-то обидные выпады происходили непременно в присутствии других лиц.

Ей были чужды такие типы, и она старалась обходить сокурсника стороной.

Слава и на практике чувствовал себя как на подиуме: щеголял в сверхмодных американских джинсах, которые в шестидесятые годы даже в Ленинграде были редкостью. В окружении стайки местных девиц он смотрелся экзотическим петухом среди разномастных курочек. А в дни выдачи стипендии устраивал с друзьями по общежитию шумные вакханалии.

Практика заканчивалась в начале октября и перед самым отъездом Слава вдруг «зауважал» Аннушку и предложил билеты на концерт – с ним пойти! Но об этом не могло быть и речи. Сославшись на занятость, она отказала, скрыв истинную причину – полное неприятие самонадеянности и «донжуанства».

Комната в институтском общежитии, где раньше жила Аннушка, была занята, и её подселили в другую. Знакомые, интересуясь, где она будет жить и, услышав ответ, загадочно-сочувственно улыбались, а в чём дело, не говорили: - Сама увидишь! Наконец, нашлась добрая душа и просветила её.

- В этой четырёхместной комнате годами живёт только одна студентка – Саня Тарабанова. Две её соседки снимают частное жильё, а на одно вакантное койкоместо уже неоднократно, но безуспешно совершали подселение. В последний раз это была хрупкая девчушка с первого курса. Но легендарная Саня выбросила в коридор все её пожитки, а затем и саму девицу, обхватив её поперёк туловища и приподняв без особых усилий. Студсовет пытался урезонить эту особу, но всё безуспешно. На заседания Студсовета Саня не являлась, а дверь в комнату постоянно держала на ключ закрытой, не впуская туда представителей порядка.

Получалось, что Аннушке предстояло своим заселением выполнить почётную миссию укрощения строптивой.

Других вариантов жилья не было, и она решила, что каких-нибудь четыре месяца до защиты постарается быть крайне дипломатичной и не осложнять отношений с «хозяйкой» комнаты. Тем более, что всё время, кроме сна, придётся находиться в институтском зале для дипломного проектирования.

Саня была родом из глухой деревушки, которая находилась где-то на стыке Белоруссии и Западной Украины. Гордилась своей самобытностью, которая особо выражалась в речи. Например, вместо «кофе» она выговаривала «кохфе» и т.д., самовольно вставляя в слова лишние гласные, согласные, шипящие и прочие звуки и буквы. Любимое её поучение:

- Это вы, провинциалки, приехав в Ленинград, ходите в театры, музеи, изменили свою речь, одежду, а я какой приехала, такой и осталась!

Саня – ярко выраженная сова. Днём, после института, она спала, а ночью – бурная жизнедеятельность: яркий свет, грохот кастрюль, сковородок – приготовление пищи на весь следующий день.

Каждый раз, поздним вечером Аннушка плелась из института в общежитие с единственным желанием – спать! А тут Саня регулярно устраивает шумовые концерты по ночам. Однажды Аннушка не сдержалась: выключила верхний яркий свет и призвала соседку с 24 часов до 7 утра соблюдать тишину.

Саня это требование приняла на удивление спокойно, сказав, однако, странные слова:

- Хорошо, но ты меня запомнишь на всю жизнь!

Аннушка не придавала этому никакого значения. Её проект в черновом варианте был почти готов, недели две на оформление и прощай, навсегда, Саня! Записавшись на защиту в первых рядах, она даже умудрилась съездить в Калугу на собственную свадьбу, чем заслужила нарекание руководителя за легкомыслие.

Однажды, незадолго до защиты, она с ужасом обнаружила пропажу черновика – спецификацию оборудования на I22 аппарата с их характеристиками и параметрами. Все они соответствовали ГОСТам, Стандартам, техпроцессу и его производительности. На этот черновик ушли месяцы кропотливой работы, он был необходим для вычерчивания технологической схемы на десятке ватмановских листов, а также являлся составной частью раздела по экономике проекта.

Перетряхнув неоднократно все свои многочисленные бумаги, Аннушка опросила техничек, которые убрали зал дипломного проектирования:

- Не попадалась ли Вам, случайно, толстая подшивка черновика?

- Нет, не видели.

Прорыла в помещении все корзины для мусора. Более того, под промозглым, дождём со снегом плачущим февральским небом и сама, обливаясь горячими слезами, перебрала в институтском дворе мерзопакостное содержимое огромных контейнеров для бытовых отходов. Безрезультатно. Защита не может состояться, т. к. за короткий срок не сделать того, что требовало долгого упорного труда.

Отчаянье, безысходность, тоска. Даже нет уважительной причины перенести защиту на следующий год. Выдадут справку вместо диплома: прослушала за 6 лет такие-то науки.

«Скорую» помощь единодушно оказали однокурсники, предложив свои спецификации – пусть для других процессов, для другой продукции и производительности:

- Списывай всё, что сочтёшь необходимым. Никто не будет копать.

А в деканате удалось перенести защиту на последний день и час установленного срока.

И закипела работа на последнем вздохе: муж, срочно приехав из Калуги, переписывал набело отчёт на 100 листах, а его друзья из Политехнического помогли с черчением. Аннушка «увязывала» нестыкующиеся позиции.

Вечером, накануне защиты она с мужем поехала к рецензенту, живущему очень далеко, где-то на задворках пригородной зоны. Сочла необходимым предупредить его о некоторых особенностях проекта, представляющего собой по уважительной причине «сборную солянку».

Рецензент оказался понимающим, да ещё и успокоил:

- Я просматриваю работы совсем мало часов, ровно столько, сколько мне за это платит институт. И обращаю внимание, в основном, на соответствие оформления отчёта установленному регламенту, не вдаваясь в подробности самого техпроцесса.

На следующий день, спозаранку, супруг поехал за рецензией, а Аннушка – в парикмахерскую: негоже перед почтенной комиссией выглядеть загнутой лошастью, да ещё с «липовым» дипломным проектом. Похоже, в этот день многим посетительницам парикмахерской предстояло такое же испытание, как и ей – настолько была велика очередь. Аннушку сверлила одна забота: успели бы супруг с рецензией и парикмахер с причёской к назначенному часу.

Комиссию возглавлял знаменитый Порай-Кошиц из Технологического института, под редакцией которого в стране издавались многочисленные тома Справочников химика.

Мучаясь сознанием своего недостойнства, вынужденной необходимостью «дурить» известного учёного, Аннушка чётко и ясно изложила теоретическую концепцию своего дипломного проекта, которая практически совсем не «вязалась» с некоторыми его разделами. Ответив на 2-3 дополнительных вопроса, она благополучно завершила злосчастную эпопею с хорошей отметкой.

Вечером, в общезитии отметили это событие шампанским, пригласив к столу и Саню Тарабанову. Она как-то размякла и даже прослезилась, что было совсем на неё не похоже. Поздравить с защитой зашел и Слава. Он был в немыслимом для студента наряде – едва ли не концертный элегантный чёрный костюм оригинального кроя.

Увидев более чем скромно одетого мужа Аннушки, он от неожиданности опешил, но быстро нашёлся: представился, объяснив, что был с нею на практике. Аннушка предложила Славе выйти в коридор для переговоров.

- Останешься ли ты на выпускной вечер?

- Нет, мы сегодня ночью уезжаем, – ответила Аннушка.

Славины прощальные слова были произнесены с горькой досадой и сожалением:

- Если бы я только знал!

Что он знал и чего не знал, Аннушке было безразлично. Но Саню Тарабанову и её пророческие слова она долгое время вспоминала незлым тихим словом.

Не без её участия, видимо, защита дипломного проекта получилась экстремальной.

Дарья ЧЕРНОУСОВА

ПАСТЕЛЬНАЯ ПАЛИТРА

С деревьев-небоскрёбов взмыли птицы
И криками сорвали ветер с крыши.
Узорница-зима и мастерица
Успела все витрины гладью вышить.

Как стёкла, под ногами лёд крошится,
И спит земля студёная в постели,
Тяжёлый воздух колет и дымитесь,
На землю осыпая пух и перья.

Гостинцами пестрит цветная лавка.
И вывеска – открытка с приглашением.
Шаги скрипят, ладони мёрзнут зябко,
А на палитре – тон размыт пастельный.

В ЛЕДЕНЦАХ МАРЦИПАНОВЫЙ ГОРОД...

В леденцах марципановый город,
Не расплёскивай небо в ладонях,
Подари сердцем пряничным повод
Позабить мне о мунковских зорях,

Нарисуй, словно фрески, деревья,
Занесённые снегом на четверть:
В этих скомканных, тающих перьях
И иссякшем предсумрачном свете.

На мозаике корчатся тени
Лабиринтов косых по сугробам,
Просит ветер от сна откровений,
Ветви тополя гнёт у порога.

Но озябших синиц тихий лепет,
Словно музыка нежной свирели...
Не стихай, не исчезни в портретах
Злобных демонов – мглы и метели.

ЗИМНИЙ РЕКВИЕМ

Тёплые слезы вины час за часом
Невольно текут из-под сомкнутых век,
Тает свеча, воском плачет напрасно
В ночь, погребённую в саванный снег.

Глядя на облик в серебряной рамке,
Жду от зимы до зимы своих лет,
Только бы не воскресали останки
Прошлой любви – омертвелый скелет.

Только бы шрамы на сердце не вскрыли
Памяти иглы, жестоко вонзаясь,
Прах собирая в забвения пыли,
В зеркале призраком лжи отразясь.

Ночь за окном все следы замечает,
Ветер больной зарыдает во сне,
Пёс одинокий надтреснутым лаем
Вновь возвестит о бескрайней зиме.

Мглистый, колючий, дымящийся воздух
Мёртвый рисует узор на стекле,
Мысли взлетят ненаписанной прозой,
Бледные руки замрут на столе.

КАЖЕТСЯ...

Кажется, колется, боязно...
Сердце тревожно колеблется.
В вагоне случайного поезда
Скрыться от будних нелепостей...

Тронется, стуком баюкая,
Скользя, не прощаясь, схоронится
В призраке-звуке, поруганно
В новой заброшенной крепости,

Неведомой. Проклятой смелости
Тени с туманом проносятся...
Горько препятствовать верности,
Скромности, чуткости. Гордости.

ДЫХАНИЕ ЗИМЫ

Фонарь таращит в пустоту зрачок;
Концерты птиц в галдящем парке;
Кипит кофейни яркий островок –
Обёртка новогоднего подарка;

Не видно звёзд уже, застыло время;
Шагов далёкий гул наполнен эхом,
И музыка на старой карусели
Заглохла, не искрится детским смехом.

Усталый ветер увлекает ленту,
Похожую на старую тряпицу;
И чёрный зонт, в кафе забытый кем-то,
Неловко его просит не закрыться.

МОЙ АНГЕЛ

Куда бы ни привёл нелёгкий путь,
Мой ангел будет против общих мест:
От заурядной были ускользнуть,
Огни принять иных надежд...

Он, крылья опалив, вернётся вновь
К тому же Солнцу, что сожгло мечты,
И нарастит лучей покров,
Спасаясь в нём от темноты.

От смерти, словно ото сна,
Очнётся, покидая высь,
И свет подарит небесам,
Преображая эту жизнь.

Лидия ЧЕБОТАРЁВА

ХОЛОДА ОКТЯБРЯ

Вот пришёл и октябрь, –
Он ещё на пороге:
На листке календарном –
Второе число.
Он пришёл в холода,
Сам немного продрогнув,
Золотою метелью
Дворы замело.

В октябре хорошо
Потеплее одеться
И пойти прогуляться
На вольный простор,
Где далёк горизонт
И волнуется сердце,
В небе птицы кружат
И дымится костёр.

Ну, а если дожди
Затуманили окна,
Не нарушит погода
Души благодать;
Нужен зонтик и плащ,
Чтобы мы не промокли, –
Можно долго и в дождь
С наслаждением гулять.

Пусть стучит по зонту
Дождик мелкий и нудный,
Но зато ароматом осенним дыша,
Наслаждаешься запахом
Осени чудным,
И под песню дождя
Отдыхает душа.

СНОВА ОСЕНЬ

Вот и осень к нам пришла,
И рассвет туманится,
Скоро заметёт зима,
Будет снег и лёд.
Только сердцу от того
Нечего печалиться, –
Ведь калина по весне
Снова зацветёт.

Будет солнце пригревать,
Пашня зачернеется,
Будут птицы распевать,
Бабочки кружить;
А пока что будем ждать,
Будем жить-надеяться,
У камина вечера
Будем проводить.

Снова осень на дворе,
Листья опадают,
Но тепло душе моей
Даже в хмурый дождь.
И не буду я грустить,
Потому что знаю:
Нет печали, если ты
С песнями живёшь.

В ТОТ ОСОБЕННЫЙ ГОД

В тот особенный год
Было жаркое лето,
И под солнышком ярким
Искрилась река...
Сколько было тепла!
Сколько счастья и света!
Бренных дней суета
Так была далека!..

В тот особенный год
Листья рано желтели;
Было мало дождей, –
Осень быстро пришла.

Нас манили к себе
Золотые аллеи,
Старых лип тишина
Нам укрытьем была.

Сколько счастья в те дни
Мы дарили друг другу,
Провожая закат
И встречая восход!
Греет сердце моё,
Даже в зимнюю вьюгу,
Тот особенный год,
Тот особенный год!..

МОЛИТВОЮ БЛАГОСЛОВЛЯЯ

Весь в мраморе, жить продолжая,
Глядит на мир Кукша святой,
Молитвою благословляя,
Он держит крест перед собой.
И сила есть от той молитвы,
И от креста, и от лица...
Стояла я, слегка склонившись,
Творя молитву до конца.
Но холод гнал, и я в соборе,
Дрожа, как лист, нашла приют.
В святых местах уходит горе,
Снимаются болезни тут.
И я зажгла свечу под сводом...
Там, наверху, снаружи – крест
Уходит в небо, где свобода,
Где высший разум, – Бог ведь есть!
Перед иконой я просила
У Бога главного – ума,
Здоровья, мудрости и силы...
Прощенья попросила я.
И благодарность в сердце зрела,
И мир светлел в моих глазах...
Спасение – святое дело
Вершит Господь на небесах.

Валентина ЛАПТЕВА

СКАЗКА О ЛЕТЕ

Лето гуляло по просторам, довольным взглядом оглядывая свои труды. В садах ветви яблонь и груш ломились от тяжести спелых плодов, в огородах созревал картофель, подпитанный щедрыми летними дождями, наливались помидоры. В полях играла волнами от ветерка пшеница и рожь. На душе у Лета было спокойно, но где-то в глубине затаилась маленькая искорка тоски. Птицы перестали его развлекать своим пением, дни стали короче. Но это ли главная причина? Нет, просто сердце запросило любви. И вот однажды Лето повстречалось со златоволосой красавицей Осенью. И закружились они в танце, затрепетали сердечки у обоих. Каждый день Лето дарило Осени жаркие поцелуи, а Осень щедро осыпала его золотой листвой. Ежедневные подарки в виде груш, яблок, и цветов от Лета, и орехов и грибов от Осени стали для них обычным делом. Всё бы хорошо, да только стало Лето замечать, что Осень как-то похолодела, остывать начали её чувства. Помрачнело Лето, загрустило, их встречи стали редкими и короткими. Однажды бродило Лето по лесу в поисках Осени, и вдруг услышало её звонкий смех, обрадовалось, думало что Осень играет с ним в прятки, но вскоре застыло в ужасе. Возле их любимой берёзы стояла Осень с белокурой особой. «Зима завладела моей любимой», - подумало Лето и бросилось было на врага, но не Зима нанесла ему удар, а Осень своим холодным взглядом. Нависла над Летом серая туча. Поняв свою ошибку, оно ушло восвояси. От обиды совсем разболелось его сердечко, и, накрывшись опавшей листвой, Лето сомкнуло глаза и заснуло. Зима пожалела его и укрыла тёплым белым покрывалом. А с коварной Осенью Зима наигралась вдоволь, и когда ей надоело, заморозила её, стукнув посохом, а сама пошла царствовать по земле.

А что же Лето? Неужели заснуло навеки? Конечно же, нет. Оно сладко выспалось под тёплым зимним одеялом, умылось прохладными талыми водами, и было обогрето ласковыми солнечными лучами. Вот тут-то оно и повстречалось с зеленоглазой шумной девчонкой-Весной. С первой же встречи Лету стало понятно, что уж она-то его точно не предаст. Их любовь была настолько сильной, что Весна незаметно перетекла в Лето, а уже в августе они пожинали плоды своей любви. А с Осенью они остались просто друзьями, ведь Лето не любит держать обиды.

Артём КАРАУЛАН

РОССИЯ

На Руси Сирин и Гамаюн.
Русских сказок не боюсь.
Против колдовских лун
Встанет азиатская Русь!

Встанет русская крепь;
Встанет с печки мужик.
Не ведала голая степь,
Как ходит серый кулик.

Шумят русские берёзы,
Что в степях не видать.
Русь моя, вещие грёзы;
Русь моя, родная мать!

Есть песни и гуляние;
Есть пляски возле костров.
Никакие расставания
Не заменят нежных вечеров.

Всё это Русь моя вековая,
И её нельзя объяснить!
Полудикая она, и живая,
Полунагая она, и боевая.
Не могу её я разлюбить!

РОЖДЕСТВО!

Светлый чистый хлеб.
(Замрут громкие уста!)
Самая лучшая из дев
Тихо пеленает Христа.
Звёзды, вышитые из бус
Тихо мерцают в небесах.
Спит Младенец – Иисус
У Богородицы на руках.
Летят года и столетия,
Словно снежинки в саду.
Радуются Чуду дети,
Глядя на светлую Звезду.

Виктор ШАБРОВ

* * *

За рекой, за реченькой, на лугу привольном
Позабыл о жизни я, буйной и застольной.
Ветерок разгуливал и трепал траву,
Со скандальным прошлым навсегда порву.

Ароматы луга хорошо вдохнуть,
С головой бы ясной мне развеять муть.
Давние тревоги кажутся смешны,
Годы, мои годы смысла лишены.

Уж пора задуматься, не рубить с плеча,
Как бывает трудно всё опять начать.
Рухнули надежды, канули мечты,
Что ж таким небрежным оказался ты?

Растерял всё по свету – ничего взамен,
Я ходил над пропастью фальши и измен
И срывался, падал, поднимался вновь...
Где ж ты, моя радость, где моя любовь?

Не терзают сердце уж теперь соблазны,
Что со мною случилось от той жизни праздной?
Что во мне осталось? Что же мне досталось?
Головные боли, ранняя усталость.

Вот и всё богатство – людям на потеху,
Вспоминай, как звали, умирать не к спеху,
В этом тленном мире не бывает лишних.
Помолюсь я Богу о здоровье ближних.

Искушаюсь в речке и взгляну на луг,
Излечу ль тоскою свою, страшный сей недуг?
И с закатом дня, может, мой рассвет
Принесёт мне радость вместо горьких бед!

* * *

Прочь сомненья и тревоги,
Вот приходит время сна.
Натрудились руки, ноги,
За день вы уже сполна.

Примостилась кошка рядом
И мурлычет без затей.
Чтоб мой сон был крепок, сладок,
Убаюкиваюсь с ней.

Всё живое внемлет ласке,
Откликаясь на тепло,
Сердце бьётся без опаски,
Напряженье отлегло.

Задремала моя нянька
И ворчит в кошачьем сне,
Беспокойно вздрогнет лапка,
Ведь её заботы с ней.

Спи, пушистая отрада,
Вы же вносите в наш быт,
В человеческие прайды
Свой особый колорит.

Сколько помню кошек с детства,
Вы вплелись в моё житьё.
Оттого ль нежнее сердце
С вами, доброе зверьё?

И недаром в древнем мире
Поклонялись в вашу честь.
Ты, священная в квартире,
Снять поможешь нервный стресс.

И мне жаль людей ослепших
И глухих в душе своей,
Кто пинает братьев меньших,
Псов и кошек на земле!

* * *

Белым снегом осыпает рошу,
На берёзках стройных свадебный наряд.
Где искать жену, где искать мне тещу?
Ты слетай-ка ворон, посмотри, мой сват.

Я среди берёзок, как среди кокеток
Долго выбирал я, но найти не смог.
И в мишень любви я стрелял не метко,
Оттого ль сегодня я так одинок?

Я бродил по свету, ожидая чуда,
Не запачкав совесть, я прожить хотел,
Повидал немало разного я люда,
Только в личной жизни я не преуспел.

У друзей хороших, у друзей примерных
Подрастают дети, набираясь сил.
Где ты, моя милая, где ты, моя верная?
Повстречав тебя бы, я про всё забыл!

Ворон, чёрный ворон – сват мой и советчик,
Неужель пропащая у меня судьба?
Я вернусь домой, и наступит вечер,
И придёт ко мне та, что не люба.

Отчего страдаю, отчего я маюсь?
Только, чёрный ворон, ты не соловей.
Ночью мне приснится: в храме я венчаюсь,
Но не разгляжу лица я суженой своей.

Ворон виновато клювом чистит перья:
«Видно, я напрасно для тебя летал,
За твоё унынье, за твоё неверье
Никого тебе я так и не сыскал».

Так ответил ворон, и качнулась ветка,
Крыльями взмахнул он на прощанье мне.
Я смотрел, как птица в небе чёрной меткой
Навсегда исчезла в снежной пелене.

Беды, мои беды, вороньём чернеют,
Неужель пропащая у меня судьба?
И опять меня в пустоте вечерней
Будет утешать та, что не люба!

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей ВАСИЛЬЧИКОВ, рассказ.....	4
Маргарита БЕНДРЬШЕВА, стихи.....	9
Владимир СКРИПКИН, рассказы.....	13
Валерий ИВАНОВ, стихи.....	25
Людмила ФИЛАТОВА, рассказ.....	32
Вячеслав БОТУК, стихи.....	49
Александр ХМЕЛЕВСКИЙ, рассказ.....	53
Александр ЗОРЬКИН, стихи.....	57
Татьяна ЕФАНОВА, стихи.....	60
Татьяна САВКИНА, цикл прозаических миниатюр.....	64
Ирина СУЛИМОВА, стихи.....	66
Светлана СОКОЛОВА, рассказ, стихи.....	69
Ксения ЕФИМОВА, рассказ, стихи.....	72
Эдуард МЕЛЕВСКИЙ, стихи.....	75
Наталья ЭЙКИНА, рассказ, стихи.....	76
Сергей БАРУТ-ФИШЕР, рассказ.....	79
Анастасия ДОНСКИХ, стихи.....	83
Геннадий ЭЙКИН, стихи.....	86
Жанна БАБИНА, рассказ.....	88
Дарья ЧЕРНОУСОВА, стихи.....	92
Лидия ЧЕБОТАРЁВА, стихи.....	95
Валентина ЛАПТЕВА, рассказ.....	98
Артём КАРАУЛАН, стихи.....	99
Виктор ШАБРОВ, стихи.....	100

ГАЛЕРЕЯ

Литературно-художественный альманах

Составитель: **Маргарита Бендрышева**

Компьютерная верстка **Маргариты Бендрышевой**

Подписано в печать 16.03.2015. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Times New Roman.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Объем 6,5 печ. л. Тираж 300 экз.

Издательство «Эйдос»

Отпечатано в типографии «Наша Полиграфия»

г. Калуга, Грабцевское шоссе, 126